

ПРАВОСЛАВИЕ В НАШИХ ДУШАХ

РУССКОЕ ДРЕВЛЕПРАВОСЛАВИЕ: ДОКУМЕНТЫ СТАРОЙ И НОВОЙ ИСТОРИИ

От ведущего рубрики: Первая публикация раздела журнала «Православие в наших душах» была помещена в «ПЗ» № 2, 2007, и еще одна — в «ПЗ» № 1, 2009. Чем объяснить двухгодичный перерыв? Конечно не невостребованность данной тематики читателями. Наоборот, налицо самый активный интерес, учитывая своеобразный ренессанс в современной России не только православного христианства, но и остальных канонических религий: ислама, иудаизма, буддизма. Более спорно достаточно активное продвижение римско-католического христианства, учитывая, что исторически Россия, исключая Царство Польское — до потери его Российской империей в Первую мировую войну — и униатскую церковь Западной Украины, ныне тоже иное государство, не является канонической территорией церкви Св. Петра. При всем уважении к инославным верующим.

...А перерыв был связан со следующим. Учитывая, что авторы первой публикации — люди воцерковленные, мы и в дальнейшем рассчитывали на авторов, приближенных к клиру обеих ветвей современной русской православной церкви: православию Московского и Всея Руси патриарха и Древлеправославной (староверческой) русской церкви. Однако здесь нас ждало некоторое разочарование. Автор этих строк имел беседы как с православными священниками, настоятелями тульских храмов, так и, используя свой староверческий традиционализм, что немаловажно, — с представителями Поморской древлеправославной церкви, наиболее многочисленно и влиятельного течения в современной староверчестве.

Увы, обещание написать для журнала так и остались благими намерениями... Как нам представляется, священнослужители православной церкви сейчас более озабочены «освоением» свалившегося на нее внимания, в том числе материального характера, государства. Да и вообще проповедническая, философско-теологическая сторона религиозного процесса исторически не является прерогативой православной церкви, в отличие от католицизма. Налицо преобладание обрядовой стороны. Плохо это или хорошо — не нам, мирянам, судить. Но ведь и потому церковь наша называется православной (ортодоксальной — на европейских языках), что это — через Византию — церковь, основанная самим Иисусом Христом, а основателем католической церкви, самоназывающейся апостольской, считается апостол Петр. Может отсюда и явные различия в доминантности проповеди и обрядовости?

...А что касается представителей староверчества, то здесь, по всей видимости, продолжает сказываться тоже многими столетиями выработанная осторожность общения со средствами массовой информации, говоря языком современности.

Как бы то ни было, но выбор напрашивается сам по себе: столь полезную, востребованную рубрику журнала, претендующего, в числе прочего, на задачи религиозно-исторического просветительства, следует вести «своими силами», прививая известные и/или малоизвестные литературные источники.

Ниже мы обращаемся к двум документам, относящимся к историческим фактам древлеправославной церкви. Оба материала воспроизводятся по современному

изданию (нам не удалось уточнить выходные издательские данные) — сборнику документов, относящихся к староверчеству.

Сделаем нужные пояснения в публикуемых материалах используется самоназвание «старообрядцы», «старообрядчество», что было принято в XVII—XIX вв. и в начале XX в. Но в настоящее время древлеправославные называют себя с т а р о в е р а м и, что, вообще говоря, более логично, ибо различие в обрядах с православными-никонианами малосущественно: дву- или трегубая «аллилуйя», крещение дву- или триперстное, да еще написание имени Христа с одним или двумя «И». А вот понятие «старая вера» намного более существенно, а вообще говоря, — оно основное в содержании случившегося во времена патриарха Никона раскола доселе единой русской православной церкви.

Многое дотошный читатель в данном аспекте извлечет из публикуемых ниже материалов, в особенности из речи Екатерины II о староверчестве. Мы же сделаем вводную. Не очень дальновидные (светские) историки церкви обычно проводят некую параллель между расколом русской церкви и реформами Лютера и Кальвина в рамках тоже ранее единой римско-католической церкви. Это глубокое заблуждение. Или идеологический заказ, не важно кого: царей или генсеков, но кому было так удобнее жить...

Различие здесь фундаментальное. В лице протестантизма от церкви Св. Петра догматически полностью отпала половина ее адептов, а сам протестантизм, исключая более или менее консолидированное лютеранства, раздробился на множество сект.

Русское же православие в результате реформ Никона не породило протестантизма и догматически осталось единой и верной всем заветам Христа. Напомним: исходные догматы есть основа, скрижаль, краеугольный камень любой канонической религии; малейшее отступление от догматов — суть нарушение церковной полноты, ибо догмат — это вера, главное содержание религии, которая не подлежит обсуждению, сомнению, вольному толкованию.

Но что же послужило движущей силой раскола русской церкви, длящегося до настоящего времени и реально не имеющего перспектив для объединения обеих ветвей русского православия, если незначительное различие в внешних обрядах (см. выше и в приводимых документах) здесь несущественно? — Ведь не упрямство же неистового протопопа Аввакума и боярыни Морозовой здесь первопричина?

Нет, конечно, а о истинной причине раскола стараются не писать ни отцы православной (никонианской) церкви, ни светские историки религии, а староверы по даней привычке и вовсе молчат в миру. Но прежде всего ставить все точки над «и» невыгодно русской православной церкви Московского патриархата. Все дело в том, что выдаваемое дружно историками за причину раскола некоторое изменение Никоном обрядовости явилось лишь поводом, правда, весьма к месту и времени. А истинная причина состоит в назревавшем еще в Византии раскладе отношений православной церкви и государства (Византии, Руси-России, России в новейшие времена). Ибо по догматам аутентичного христианства (по заветам Христа) церковь и государство должны сосуществовать в гармонии. При этом телеологическая и со-теориологическая функция государства основывается на *Втором послании Св. апостола Павла к фессалоникийцам*. Отсюда и эсхатологическая доктрина православия: симфония властей светских и церковных, в которой эти власти (царь и патриарх в русской церкви) находятся в строго определенном соотношении, как раз и определяемым принципом симфонии. А говоря языком понятийным: эти власти не подчиняются в смысле юрисдикции друг другу, но дружественно сосуществуют, и каждая из них в едином устремлении к благу государства и народа достигает этого доступными, имманентными им средствами.

Этот догмат сохранило древлеправославие, а православная церковь со времени Никона (хотя бы он сам и объявил себя равным царю!) все более и более становилась государственной, де-юре став таковой при упразднении Петром Первым патриаршества. Вот в чем причина случившегося раскола, а вовсе не в малосущественных обрядовых тонкостях. Поэтому и появление в начале XX века в России единоверческих церквей свидетельствует о несостоятельности появления «старообрядчества». А вот «старая вера» — это куда существеннее; это основополагающее в расколе.

Мы не рассматривает аспекты данной ситуации в XX веке (после революции) и начале нынешнего, начиная со времен патриархов Сергия и Тихона, ибо, во-первых, это требует отдельного, сугубо аргументированного исследования; во-вторых, здесь налицо преобладание элементов политики церкви, и не нам, как мирянам, комментировать ее и делать выводы. Это прерогатива самой церкви.

Причина же, по которой мы фактически начинаем рубрику публикацией документов о староверчестве, актуальна: наша область, а также соседние Калужская и Брянская, являются историческим местом проживания староверов «поповского» и «беглопоповского» согласия. Сильны позиции и Поморской староверческой церкви. Пользуясь веротерпимостью и лояльностью нынешней государственной власти, староверы, как и православные Московской патриархии, активно участвуют в процессах возрождения церковной полноты. Так, в Туле староверам возвращаются их исконные храмы, идет речь о реставрации единоверческой церкви и так далее.

Наконец, следует учитывать, что в современной России проживает порядка восьми миллионов только воцерковленных староверов. Намного больше число традиционных (по воспитанию, культуре и пр.) староверов. Как правило, это люди высокообразованные, занимающие активную жизненную позицию, в том числе вовлеченные в литературный процесс.

Вроде все сказано в данном кратком предисловии.

Алексей Третьяков

В. Е. Макаров

СТАРООБРЯДЧЕСТВО, ЕГО СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ*

Не без смущения, гг., взошел я на это место, чтобы, по мере сил моих, осветить пред вами тот уголок русской жизни, который обычно принято называть старообрядчеством, уголок, для многих до сих пор темный и неведомый. До самых последних лет мы занимали исключительно — неблагоприятное и ненормальное положение — постоянных подсудимых. Должности и прокурора, и следователя, и истца, и свидетелей, и судей наших заключались в одном лице — наших многочисленных врагов, духовенства, миссионеров и т.д. Нам, подсудимым, был зажат рот и связаны руки, мы были лишены права пользоваться орудием печати, мы были лишены и тех мизерных прав, какие полагались прочим гражданам до 17 апреля и 17 октября 1905 года, при осужденном и народом и самой верховной властью самодержавно-бюрократическом режиме. Общество всегда слышало только обвинителей и не могло, по чудовищным цензурным условиям, слышать обвиняемого. Нас не спрашивали, когда судили-рядили и спорили о нас. Но так как в прогрессивной печати иногда все-таки проскальзывало сочувственное и более или менее беспристрастное слово о старообрядчестве, то обыкновенно простым административным распоряжением вопрос старообрядческий приказывали изъять из обсуждения печати. А между тем наши многочисленные враги не дремали, — они, пользуясь этим, говорили о нас, что угодно, а чаще всего прямо лили ушаты помоев на незащитное и многострадальное старообрядчество.

Да и сочувственное слово о нас, благодаря малому знакомству широкой публики с религиозными вопросами вообще и с старообрядчеством в частности, часто тоже было неточно или неверно. В силу всего этого, старообрядческий вопрос в существующей литературе, особенно официальной, освещен крайне односторонне, пристрастно и тенденциозно, и общество, благодаря этому, или совсем не знает настоящей физиономии старообрядчества, или имеет о нем совершенно превратное понятие. Армия наемных миссионеров казенного «православия» и полицейского благонравия, содержащая на последние гроши, жестоко выколачиваемые с нищаго, темного и невежественного мужика, гроши, которым нашлось бы, несомненно, лучшее и более продуктивное применение, а также кучка мнимо «ученых», недоучек и диллетантов, присосавшихся к казенному пирогу, поют в унисон, что старообрядцы незаконно и неправильно, не имея никаких разумных оснований, отделились от русской господствующей церкви и ее иерархии, что, как упорно ни занимайся этим вопросом, а основательных причин для раскола не было и нет. И с легкой руки подобных инсинуаторов многие до сих пор видят в старообрядчестве лишь проявление дикаго фанатизма, порождение тупоумия и невежества, узости, буквоедства и обрядовой нетерпимости.

Как произошло старообрядчество, что оно из себя представляет и какой имело и имеет смысл и значение? — Вот на эти вопросы я и хочу ответить.

То было, гг., в XVII столетии... Деспотическая церковная реформа патриарха Никона расколола до того времени единую православную русскую семью. Народ возстал против новопечатных книг и новых обрядов, против «любоначалия во властях», против гордой самоуверенности и «латынских нравов» духовных «владык», отождествляющих церковь с самими собою. Исконный страдалец-народ все мог стерпеть, со всем так или иначе мог примириться. Мирился он и с отнятием у него старинных

* Публичная лекция, прочитанная старообрядцем В. Е. Макаровым 20 января 1908 года в Москве, в помещении 1-го общества торговых служащих.

земских прав и вольностей, мирился он и с тяжелым монгольским игом, терпел он всякия невзгоды и произвол «власть имущих», до опричнины включительно, согнул он шею и под крепостным ярмом личной неволи. Но тем крепче он держался за свою веру, которая к тому времени оставалась единственной сферой его свободной мысли и деятельности, так как все остальное было «расписано по рангам», поглощено правительственной опекой и насилием.

Только в области веры народ мог еще чувствовать себя относительно свободным человеком, только здесь оставался он на своей почве, только здесь мог получить удовлетворение и нравственное вознаграждение за весь гнет, насилие и невыносимую тяжесть общественно-экономического строя, за все бедствия и удары судьбы.

За свою веру, эту свою последнюю собственность, последнюю святыню, оставленную отцами и дедами, народ готов был идти на смерть, отстаивать ее до последней капли крови, и поэтому отнять ее у народа — значило отнять его «душу». И когда народ увидел и помял, что у него хотят отнять его последнее достояние — его веру, хотят пленить его душу, поработить его совесть, попрасть и обесчестить все то, чем он еще жил и дышал и в чем он еще чувствовал себя хозяином,— его обычаи, предания, чаяния и надежды, он этого не стерпел и с этим никоим образом не мог помириться.

Это покушение на свою веру народ увидел в церковной «реформе» середины XVII столетия.

Неблагодарную роль исполнителя этой реформы, которая потрясла исторические судьбы русской церкви, реформы крайне неудачной, скороспелой и небрежной, неосмотрительной, необдуманной и мелочно-примитивной, реформы в которой и не было в то время особенной нужды, взял на себя патриарх Никон, человек хотя и способный, но узкий и недалновидный, а к тому же крутой, честолюбивый и капризный до самодурства, человек, страдавший манией величия, способный идти «напролом», ни перед чем не останавливаясь, человек, в характере которого господствовали гордость, надменность, ненависть, злоба и почти зверская свирепость, заставлявшая трепетать не только его подчиненных, но и всех вообще окружавших его.

Понятно, что такой человек, как Никон, о котором, «грозя друг другу», говорили: «знаете ли, кто он, зверь ли лютой, лев, или медведь, или волк?»^{*}, о котором даже собор 1667 года засвидетельствовал, что он все делал изступя ума, следовал не Спасителю, а сатане^{**}, был даже хуже сатаны^{***}, не мог в своих капризных притязаниях на роль «очистителя» церкви дорожить истиной, миром и благоденствием церкви, и от него невозможно было ожидать справедливости, беспристрастия, добросовестности и чего-либо добраго.

Поддавшись интригам, проделкам и влиянию ловких проходимцев и авантюристов из облатинившихся малорусских монахов и греков, воспитанников иезуитов, праздношатающихся милостыне-собираателей, людей с темным прошлым, низких, корыстолюбивых, готовых продаться кому угодно, на золотой телец променять все — и совесть, и веру, и убеждения, людей, которым выгодно было устроиться «при реформе», насеять в русской церкви смуты и вражды и явиться «учеными» вершителями ея судеб,— Никон принялся за свою реформу с фанатизмом, свойственным всем узким и недалеким людям, с сознанием своей неограниченной власти и своей непогрешимости, и, не знавший чувства меры, он не мог ограничиться необходимым и слишком перегнул дугу в другую сторону, чем, по словам своего современника и продолжателя его реформы, Паисия Лигарида, «вместо мира бросил нож в

* Ист. рус. Церкви, м. Макария, т. XII, стр. 215.

** Ист. изслед. Дела Никона, Гиббенета, прилож. к 2 ч., стр. 683 и 1051.

*** Ист. р. ц., Макар, т. XII, стр. 736.

Христову церковь»^{*}, а на чистое поле русского векового благочестия выкинул знамя раздора.

Ломая и коверкая древность, искажая, и умышленно и по небрежности церковно-богослужбные книги, чины и обряды, приводя их в согласие с современными себе греческими книгами, печатанными латинянами и протестантами в западных типографиях, прошедшими чрез руки и цензуру иезуитов,— Никон и его клеветы не могли не вызвать дружного и сильшого протеста со стороны русского православного глубоковерующаго народа, вставшего на защиту древних преданий и родной старины.

Тем более станет понятна и естественна та боязнь, та нервно-болезненная дрожь, тот неподдельный страх и ужас за чистоту и неповрежденность русского православия и благочестия, то сильное негодование и протест, которыми лучшая и большая часть народа встретила никоновскую безмысленную и противную духовной свободе реформу,— если вспомнить, что первые же реформаторския попытки Никона и его сподвижников в деле реформы показали, что они не могут терпеть и даже слышать равнодушно никаких замечаний и протеста, никакого контроля над своими поступками со стороны тела церкви — народа, но требуют безусловнаго, рабскаго и слепого послушания себе.

А протест этот, как разумное проявление здраваго, сознательнаго отношения к вере и иерархии православных людей, как живых и деятельных членов живаго организма — церкви, был и исторически и канонически вполне правилен и законен.

В никоновской реформе христианский начала любви и свободы были подавлены латино-римскими, национальными особенностями не принимались во внимание,— она выражала собою презрение религиозной жизни русского народа со всеми ея чаяниями, заветами и преданиями и любовь ко всему чужоному, иноземному, особенно греческому. Ея вершители, состоявшие из чуждых русскому духу элементов, пропитанные безбожным папским «правом» и духом непогрешимости, не имели и не могли или не хотели иметь никакого понятия о характере и мировоззрении того народа, от котораго они властно требовали безусловнаго и слепого послушания себе. Религиозные мнителы не хотели понять народной души, муштровали народ по-своему, все хотели навязать ему внешними насилиями, все желали строить по своему произвольному плану, который не имел жизненных, разумных оснований, никак не вязался с думами, чувствами и стремлениями народными...

Народ ясно видел и понимал, что реформа — результат корыстных происков греков и каприза Никона.

На эту несправедливость, неестественность и внутреннюю ложь никоновских нововведений и стал он указывать, встав грудью на защиту добрых обычаев и порядков родной старины, воспитавшей его и вполне отвечавшей его духу и потребностям.

Первое решительное и открытое столкновение между защитниками старины и Никоном произошло вследствие следущаго распоряжения, которое, под влиянием греков-советников, Никон разослал по московским церквам пред наступлением Великаго поста 1653 года: «По преданию святых апостол и святых отец, не подобает в церкви метания творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще и тремя персты бы есте крестились».

Такое неожиданное и притом единоличное, ничем не мотивированное распоряжение патриарха, покушавшееся изменить старый церковный чин и обряд, крайне смутило благочестивых людей, воспитанных в благоговейной преданности существующим церковным чинам и преданиям, тем более, что относительно крестнаго знамения существовало категорическое и вполне ясное определение «стоглаваго собора»: «Иже не знаменуется двема персты, якоже и Христос, да есть проклят».

^{*} Богослов. Вестн., окт. 1892 г., отд. 2, стр. 55.

Распоряжение это поставило народ в тяжелое, двусмысленное положение: подчиниться распоряжению — значит подвергнуть себя клятве собора, на котором были иерархи, признанные русской церковью святыми; остаться верным соборному постановлению — значит послушаться грозного патриарха.— «Мы задумались,— говорит протопоп Аввакум,— сошед-шеся между собою, видим, яко зима хочет быти: сердце озябло и ноги задрожали».

Кружок ревнителей церкви из духовенства подает патриарху письменный протест против его распоряжения с выписками из отеческих книг.

Но начиная таким мирным, строго обдуманым путем свое дело, защитники старины ошиблись в расчетах.— На их протест не обратили никакого внимания.

В следующем 1654 году, желая показать вид, что он делает дело не самовольно, а с согласия всех епископов, Никон собирает собор и принуждает епископов подписать свое предложение об исправлении книг, при чем не обошлось и без обмана. Никон заявил, что книги будут правиться по древним греческим и славянским рукописям, тогда как на самом деле исправление было произведено по современным ему греческим книгам, печатанным иезуитами в Риме, Венеции и др. городах.

Начал было на соборе возражать относительно поклонов епископ Павел Коломенский, но тут же жестоко за это поплатился: Никон разразился над несчастным епископом страшною карою: низверг его, сорвал с него мантию, предал его жестокому телесному наказанию и сослал в заточение, где Павел впоследствии, по приказанию Никона, был убит, и тело его сожжено*.

В следующем 1655 г. «исправленный» служебник был уже напечатан.

Исправление книг продолжалось.

В чем же, собственно, состояло это исправление?

Профессор Е. Голубинский говорит: «Большее частью дело понимается так, будто Никонovo исправление богослужебных книг состояло в точном и настоящем воспроизведении древних греческих и славянских рукописей или было ничем иным, как этим точным воспроизведением. Такое понимание дела, основанное на ошибочном толковании недостаточно определенных слов предисловия к «служебнику», есть понимание совершенно неправильное, ибо представляемое в подобном виде исправление богослужебных книг было делом вовсе невозможным и было бы со стороны Никона делом лишенным смысла... Он захотел и предпринял исправить наши книги по современным книгам греческим, дабы привести нас относительно их в полное согласие с современными себе греками... Если Никон переменял взгляд на позднейших греков и начал смотреть на них, как на неизменно и неповрежденно сохраняющих чистоту православия древних греков, то из этого само собою и необходимо следовало, что мы должны быть в согласии относительно богослужения с этими последними греками, ибо иначе — признавать чистоту православия позднейших греков и не хотеть того, чтобы быть в согласии с ними относительно богослужения, было бы нелепостью, логическим *contradictio in adjecto*. Но и, наконец, приступая к исправлению книг, что провозглашал Никон на соборе 1654 года в своих известных «возглашениях», как не то, что желает привести русскую церковь относительно обрядов и богослужения к согласию и единению с современною церковью греческой?.. Первоисправленный Никонem «служебник» и все последующие новые «служебники» вплоть до настоящего не составляют каких-нибудь книг секретных, относительно которых была бы невозможна проверка. Эта проверка документальным образом и доказывает, что Никон исправил служебник не по древним рукописям греческим и славянским, а по современному себе печатному греческому эвхологию и по современному живому чину греческой церкви. В библиотеке московской синодальной типографии до на-

* Ист. р. ц. Мак., т. XII, стр. 145 и 146.

стоящего времени сохраняется экземпляр греческого печатного эвхология, с которого... был правлен служебник 1655 года... Никон предпринял свое исправление книг с тою целью, чтобы относительно их привести русскую церковь в полное согласие с современною церковью греческою; а если так, то уже вовсе не может быть разумеемо исправления книг по древним рукописям греческим и славянским»^{*}.

Находящееся в моем распоряжении время, гг., не позволяет мне подробно остановиться на вопросе о технической стороне этого quasi-исправления. Вы сами поймете, велики ли были достоинства этого исправления, если я укажу вам только на один факт: При сравнении текста литургий: старопечатного, исправленного Никоном и греческого, которое сделано было по предложению Платона, архиепископа рижского, потом митрополита киевского, в 80-х годах XIX столетия, оказалось: из 340 параграфов — 230 указывают на погрешности служебника исправленного, и только 30 — на погрешности старопечатного, 45 — на общия обоим служебникам. Рассмотрены были литургии Иоанна Златоустаго и Василия Великаго.

В самый разгар никоновского книжного исправления и борьбы из-за него, в том же 1655 году, прибыли в Москву сербский патриарх Гавриил и антиохийский Макарий, которые и помогли Никону в его «реформировании» церкви.

«В 1656 году, 12 февраля,— говорит историк м. Макарий,— в день памяти святого Мелетия Антиохийскаго, а вместе и святителя московскаго Алексия, в Чудовом монастыре совершалась праздничная заутреня, на которой присутствовали сам царь со всем своим синклитом, патриархи с другими архиереями и множество народа. Когда в положенное по уставу время прочитано было из Пролога, в поучение православному, известное сказание о святом Мелетии Антиохийском..., тогда Никон во всеуслышание спросил патриарха Макария, как понимать это сказание? И Макарий возгласил: «Мужие всего православия, слышите: аз преемник и наследник святаго Мелетия престолу, вам известно, яко сей святыи Мелетий три первыя персты различены показа друг от друга, от них же и знамения не бысть; тыя же паки три соедини, ими же и знамение показа. И аще кто сими тремя персты на лице своем образ креста не изобразует, но имать творити, два последния соединяя с великим пальцем да два великосредния простерта имети, и тем образ креста изображати, таковый арменоподражатель есть...»

Прошло еще двенадцать дней; настала неделя Православия (24 февраля). Собрались в Успенский собор на торжество все находившиеся в Москве архиереи с знатнейшим духовенством, царь со всем своим синклитом и безчисленное множество народа.

«В то время, когда начался обряд православия, и церковь, ублажая своих верных чад, изрекала проклятие сопротивным, два патриарха, антиохийский Макарий и сербский Гавриил, и митрополит никейский Григорий стали пред царем и его синклитом, пред всем освященным собором и народом, и Макарий, сложив три первые великие перста во образ святыя Троицы и показывая их, воскликнул: «Сими тремя первыми великими персты всякому православному христианину подобает изображати на лице своем крестное изображение; а иже кто по феодоритову писанию и ложному преданию творит, той проклят есть». То же проклятие повторили вслед за Макарием сербский патриарх Гавриил и никейский митрополит Григорий... И можно представить, как должна была подействовать эта анафема на православных, произнесенная в самое торжество православия.

В начале апреля прибыл в Москву молдавский митрополит Гедеон. И в Москве, вместо трех, было уже четыре восточных святителя. Никон решил обратиться ко всем им разом с письменным посланием от лица своего и других русских архиереев,

^{*} «Богослов. Вестн.», 1892 г. II, стр. 303, 307—310.

и указывая на то, что в Москве «неции воздвизают прю» относительно сложения перстов для крестнаго знамения, и одни крестятся тремя перстами десницы, а другие двумя, умолял (?) этих святителей возвестить, где истина и как следует креститься»*.

Макарий и другие приезжие с востока архиереи на вопрос Никона дали следующий знаменательный ответ: «Предание прияхом с начала веры от святых апостол и святых отец и святых седми соборов творити знамение честнаго креста с тремя первыми персты десныя руки, и кто от православных христиан не творит крест тако, по преданию восточныя церкви, еже держа с начала веры даже доднесь, есть еретик и подражатель арменов и сего ради имама его отлучена от Отца и Сына и Святаго Духа и проклята: и за извещение истины подписах своею рукою: Макарий милостию Божию патриарх великаго Божия града Антиохии и всего востока. Гавриил Божию милостию архиепископ пеккский и патриарх сербский. Вышереченная тако исповедаю, и тако свидетельствую, и тако держу. И аще кто не верует, и вышереченная не держит, да будет проклят, того ради руку приложих. Смиранный митрополит никейский Григорий пречестный (sic!) и экзарх всея Вифинии, вышеписанная тако исповедаю, тако проповедаю и тако держу, и кто не держит тако, да имать клятвы святых трехсот и ось-минадесяти богоносных отец, в Никеи собравшихся (?!), и прочих святых соборов и да будет проклят, и за извещение истины подписал своею рукою. Гедеон Божию милостию архиепископ и митрополит сучавский и всея земли молдавския, вышереченная тако исповедаю, и тако свидетельствую, и тако держу, и аще кто не верует и вышереченная не держит, да будет проклят, того ради руку приложих»**.

«Это ответное послание четырех святителей,— говорит историк м. Макарий,— вместе со своим посланием к ним Никон немедленно велел напечатать, и поместить в качестве приложения к книге «Скрижаль».

«Когда, таким образом,— продолжает м. Макарий,— восточные патриархи, находившиеся в Москве, изрекли свой приговор на крестящихся двумя перстами, не только устно, в неделю Православия, но и письменно, Никон счел благовременным созвать на собор своих русских архиереев, чтобы и они постановили решение по тому же вопросу. Собор состоялся 23 апреля 1656 года... Присутствовали на соборе, кроме патриарха, три митрополита, четыре архиепископа, один епископ, двадцать два архимандрита, семь игуменов, один строитель и один наместник. Никон открыл заседания собора довольно обширною речью. Сказав сначала, как зазирали и поносили его приходившие в Москву восточные святители за разный неисправности в церковных книгах и обрядах, в том числе и за употребление двоеперстия в крестном знамении, как приступил он к исправлению книг, Никон объявил, что он уже исправил некоторыя церковныя книги, а вместе с тем велел перевести и напечатать с нужными приложениями и книгу «Скрижаль», представляемую им теперь на рассмотрение собора. В особенности обратил Никон внимание отцов собора в своей речи на учение о двуперстии и объяснял, что соединением, по феодоритову писанию, великаго перста с двумя малыми неправо исповедуется таинство Пресвятыя Троицы, а совокуплением двух перстов, указательнаго и средняго, неправо исповедуется таинство воплощения; напомнил..., как изрекли в неделю Православия проклятие на крестящихся двумя перстами три восточные святителя, и как то же проклятие повторили они, вместе с молдавским митрополитом, в своем письменном ответе, и предложил собору русских святителей и духовенства сказать свое слово о том же предмете. Присутствовавшие на соборе занялись сначала свидетельствованием книги «Скрижали», «соборне чтоша ее во многи дни, с великим прилежанием всяку вещь и всяко слово со опаством разсуждающе», и обрели ее не только «безпорочну», но и достойну вся-

* Истор. Русск. Церк., Макария, т. 12., стр. 188—191.

** Скрижаль, изд. 1656 г., нечислен. Листы, между стр. 755 и 756; Ист. Русск. Церк., Макария, т. 12, стр. 191; «Патр. Ник.», Быкова, стр. 51.

кой похвалы и удивления, и много благодарили Бога за такое безценное (!?) сокровище. Затем, обсудив, что сказано о крестном знамении в трех статьях, помещенных в приложении к «Скрижали»..., собор постановил следующее правило: «Аще кто отселе, ведый, не повинится творити крестное изображение на лице своем, якоже древле святая восточная церковь прияла есть (!?)..., еже тремя первыми великими персты десныя руки изображати, во образ святых и единосущных и неразделимых и равнопоклоняемых Троицы, но имать творити сие неприятное церкви, еже соединя два малыя персты с великим пальцем, в них же неравенство святых Троицы извещается (!?), и два великосредняя простерта сущи, и них же заключати два сына и два состава, по несториеве ереси (sic!), или инако изображати крест: сего имама... всячески отлучена от церкви, вкупе и с писанием феодоритовым... проклинаем и мы». Это правило свое, равно как и всю книгу «Скрижаль» с приложениями, все находившиеся на соборе скрепили своими подписями 2 июня 1656 года.

Тем временем исправление книг облатинившимися греками продолжалось, несмотря ни на какие протесты и недовольство народное. Русские благочестивые люди теперь уже не «задумывались», а прямо ужасались, смотря на происходившее кругом них нечто такое, с чем никак не мог мириться ни ум, ни совесть верующего человека. Они теперь ощутительно почуяли, что «зима», в виде деспотизма, насилия жестокой свирепости, лжи, обмана и безумных клятв, сыплющихся как из рога изобилия на головы православного народа, действительно наступала, и «зима» суровая.

«Как было им не подумать,— говорит проф. Каптерев,— что эти пришельцы (греки, приближенные Никона) с очень темным и сомнительным прошлым, не твердые в православии, корыстолюбивые и эгоистичные, готовые служить всякому и всем, лишь бы только им хорошо платили за их службу,— что эти пришельцы, ломая русскую церковную старину, решая у нас разные церковные вопросы, тем самым не исправляли будто бы затемнившееся православие русской церкви, а только искажали его? Как русским было не признать глубокого унижения своей церкви и всего русского в том обстоятельстве, что на святой Руси всеми церковными делами орудует и управляет выходец из Турции (Паисий Лигарид), запрещенный архиерей-авантюрист, лишенный своим патриархом кафедры и сана и даже не признаваемый самими восточными патриархами за православного? Как русским было не заволноваться при виде того, что русские церковно-богослужебные книги, будто бы не во всем строго-православные, вследствие допущенных в них искажений, исправляются человеком, который с детства был воспитан и соvrащен в униатство иезуитами, а потом принимал мусульманство, а затем делался опять то православным, то униатом, который и в то время, как «возстановлял» истинно-православный характер русских церковных богослужебных книг, сам находился, однако, под началом «для исправления его христианския православныя веры»?!..*»

Ясно, что при таком положении дела русским православным людям, которых безрассудно проклинали за одно двуперстие, проклинали только за то, что они хотели сохранить верность унаследованным от благочестивых предков преданиям, неизменность которых была ограждена клятвою свв. отцов и соборов, ничего не оставалось делать, как отделиться от таких пастырей, которые, по словам пророка, «пасли себя, а не народ», которые высказывали такие перлы «красноречия», «правдивости», «велемудрия» и «благоразумия», в роде вышеприведенных. Таким образом, образовалось два враждебных стана.

«На одной стороне,— по словам проф. Милокова,— стоял Никон, вооруженный авторитетом восточных патриархов и своим собственным, а также и той веревкой, или просто кулаком, которыми, по его собственному признанию, он «смирлял иногда

* Характ. Отош. России и правосл. вост., Каптерева, стр. 219—220.

по-малу в церкви» своих подчиненных, и которые в его употреблении сильно напоминают знаменитую дубинку Петра Великого. На другой стороне стояла вся огромная масса ревнителей русского благочестия, приученная авторитетом церкви верить в непогрешимость этого благочестия и в русскую всемирную задачу — сохранить его неприкосновенность до второго пришествия. Что должна была делать теперь вся эта масса? Ей осталось теперь одно — приложить к русской официальной церкви ту же теорию, какую она прилагала к римской, греческой и малороссийской. Так, положив руку на сердце, готовое громко исповедывать свою веру среди Москвы, отделялось русское народное благочестие от официального... Все, что было в России религиозного, все это или перешло открыто на сторону народной веры или ей втайне сочувствовало. На стороне господствующей церкви остались в огромном большинстве или равнодушные к вере или способные пожертвовать верой для житейских выгод по слабости или расчету»*.

Этот народный протест был встречен страшными репрессиями и жестокостями со стороны высшей духовной власти и правительства. Все выдающийся лица, не согласные одобрить новизны, были похвачены и разсажены по тюрьмам или угнаны в далекую ссылку. Начались гонения, началась страшная и ужасная в истории русского народа полоса, испещренная языками пламени, обрызганная слезами и кровью мучеников и страдальцев за веру.

И хотя сам Никон вскоре затем должен был удалиться от дел и даже был потом низложен и осужден, но дело его, натворившее столько бед в русской церкви, московское правительство решило продолжать.

Собор 1666 года 7 мая «соорудил» книгу «Жезл», нечто в роде апологии нововведений, в которой (л. 62) двуперстное крестное знамение называет «душевердным учением» и говорит: «Подобает убо, о право-славнии людие, последовати древнему всея церкви обычаю, апостольскому преданию, всех православных народов согласию, еже есть тремя первыми персты крестное творити изображение: а противне упорно мудрствующих предаем анафеме».

Мая в 13 день 1667 года собор с участием трех патриархов в Москве постановил: «Во имени великаго Бога... соборне заповедуем всем и повелеваем покарятися. во всем без всякаго сумнения и прекословия святой восточней и апостольстей церкви Христове... (именно): аллилуйя во уреченных местех глаголати трижды... знамение креста творити на себе тремя первыми персты по древнему преданию святых апостол и святых отец... Молитву Иисусову глаголати сице: Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас, в церковном пении и во общем собрании, а наедине якоже кто хошет. Просфоры печатати печатаю креста четвероконечнаго... Благословляти народ сложивши... два перста, яже знаменаета ІС... и три персты ХС... Аще ли же кто не послушает повелеваемых от нас и не покорится святой восточней церкви и сему освященному собору и начнет прекословити и противлятися нам, и мы такового противника, данную нам властию от все-святаго и животворящаго Духа... отлучаем и чужда сотворяем от Отца и Сына и Святаго Духа и проклятию и анафеме предаем, яко еретика и непокорника, и от православнаго всесочленения и стада и от церкви Божия отсекаем, яко гнил и непотребен уд, дондеже вразумится и возвратится в правду покаянием. Аще ли кто... пребудет во упрямстве своем до скончания своего: да будет и по смерти отлучен и не прощен, и часть его и душа его со Иудею предателем и с распятыми Христа жидовы и со Арием и с прочими проклятыми еретиками. Железо, камение и дресеса да разрушатся и да растлятся, а той да будет не разрешен и не разрушен и яко тимпан во веки веков, аминь. Сие соборное наше узаконение и изречение подписахом и утвердихом... в вечное утверждение и присное воспоминание»!..

* Введ. В русск. Ист., — лекц., чит. на истор.-филол. Факульт., вып. 2, стр. 63, 67, 134.

Тот же собор еще раз подтвердил: «Кто отныне начнет прекословити о изложенных винах на соборе сем великом от святейших вселенских патриарх, яже исправиши и узаконоположиши о аллилуйи и о кресте и о прочих винах, яже писаны суть в соборном изложении настоящего сего собора... и в книзе Правления Жезл; да будет по апостолу Павлу, в правду самоосужден и наследник клятве сего собора, писанной в соборном деянии его, яко преслушник Божий и святых отец правилом противник».

Но этого мало. Одобрив реформу Никона и осыпав клятвами православных христиан, держащихся старых обрядов, правящие верхи русской церкви того времени, в лице собора 1666 года, придали санкцию начавшимся гонениям и мучениям, постановив наказывать сторонников старины «не только церковным наказанием, но и царским, сиречь градским законом и казнением».

А в наказе к архимандритам, игуменам, протопопам и старостам поповским собор объявил следующее: «Аще кто не послушает хотя в едином чесом повелеваемых от нас или начнет прекословити, и вы на таковых возвещайте нам, и мы таковых накажем духовно, аще же и духовное наказание наше начнут презирати, и мы таковым приложим и телесная озлобления»^{*}.

И вот с благословения духовнаго собора начались неслыханно-жестокия и суровые расправы, и кровь полилась рекой. Началась, по словам современников, буквально «псовая охота на христиан». «Времена Диоклетиана настали! Нероновы свещники из христианской плоти возжигают на Болоте, освещения ради тьмы кремлевския»,— говорил народ.

Страшно вспоминать, гг., о том жестоком и мрачном времени.

Духовное и гражданское правительство на приверженность к старине и нежелание принять новизны, введенныя никоновской реформой, отвечало многочисленными ссылками и ужасными казнями. Все первые защитники древности умерли на плахе, сгорели в срубях, исчахли, замурованные в сырые земляныя тюрьмы, казематы и монастыри. Бесчисленные и беспощадныя казни, утонченныя и мучительныя пытки идут длинным, непрерывным рядом.

Староверов «пытали и жгли огнем на-крепко», секли плетью и били батогами «нещадно», рвали ноздри, вырезывали языки, уши, рубили головы на плахе, ломали клещами ребра, зарывали по шею живых в землю, кидали в клетки и, завалив там соломою, сожигали, обливали голых водою и замораживали, выматывали жилы, вешали, сажали на кол, четвертовали... Словом все, что только могло изобрести человеческое зверство для устрашения, паники и террора,— говорит А. С. Пругавин,— все было пущено в ход.

Народ пришел в ужас от таких мер; он объявил антихристовыми слугами духовную и гражданскую власть, которая «упивались кровью праведных», любясь тем, как вздымались клубы дыма от пылающих на Руси костров, на которых жарились невинные страдальцы за веру, как везде красовались виселицы и плахи, *ad maiorem Dei gloriam*, обгаренные потоками кропи защитников старины.

Народ думали запугать казнями, но довели до того, что он сам начал сожигаться целыми тысячами. Не имевшие возможности бежать или укрыться, при появлении «наезда гонителей с оружием и пушками, боящиеся их мучительства, сами сожигаются»,— говорит современнейший дееписатель.

Таким путем погибли десятки тысяч невинных жертв, рассуждая вполне логично, что лучше разом покончить все расчеты с жизнью, чем лишиться ее от рук напавшей воинской команды, после бесчеловечных пыток и истязаний, может быть, даже отрекшись поневоле от своих убеждений.

Талантливый и стойкий борец за старину протопоп Аввакум писал по поводу го-

^{*} Соб. Деян. 1666 г., последн. л.

нений: «Чудо! Как-то в познание не хотят прийти: огнем, да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить! Которые-то апостолы научили так? Не знаю! Мой Христос не приказал нашим апостолам так учить, еже бы огнем, да кнутом, да виселицею в веру приводить. Татарский бог Маомеф написал в своих книгах сице: «Не покоряющимся нашему преданию и закону, повелеваем главы их мечем подклонити»...

Возражали против гонения и другие борцы за старую веру, доказывая и в многочисленных «челобитных» и в разных сочинениях, например в «Дьяконовых», а также «Поморских» ответах, несовместимость с христианским учением и с достоинством церкви гонений за веру и отстаивая принцип свободы в делах совести, дающий возможность «каждой вере самой проявить плод евангельской добродетели».

Но разве могли такие речи остановить духовных «владык», пропитанных духом непогрешимости, считавших, что «церковь — это они»? — Преследования усиливались.

«Всюду мучительства меч обagriша кровию неповинною, новых старообрядцев видяшеся всюду плач, вопль и стонание, вся темницы во градах и селех наполнишася древняго держащихся благочестия. Везде чепи бряхаху, везде тряски и хомуты никонову учению служажу: везде бичи и жезлие в крови исповеднической повседневно омочахуся. Проповедницы ни-коновых новин яростию и гневом и мучительством вместо кроткаго духа дыхаху: битием и ранами, а не благодатию Христовою увещаваху: лукавством и коварством злобным, а не апостольским смирением к вере своей привождаху, и от таковаго насилуваннаго лютаго мучительства облияхуся вся грады кровию, утопаху в слезах села и веси, покрывахуся в плачи и в стенании пустыни и дебри...

Толицы мученицы страдаху... Толицы исповедницы скончевахуся. Ови мечем усекаеми, ови огнем сожигаеми, инии, инако скончеваеми»*.

Так описывает современник той ужасной эпохи гонения па старую веру.

В застенках, где производились пытки над державшимися старины, «предстоят учителя немые, вместо евангелия кнутом и вместо апостола огнем просвещающе», — говорит другой современный бытописатель.

Так насаждалась на Руси новая вера мнимыми заместниками Христа, не знавшими других средств борьбы, кроме виселицы, костра, плахи, ссылки в каторгу, конфискации имущества и т.д.

Предав проклятию и применив к злейшим ересям древния церковныя предания, эти инквизиторы и палачи новыя книги никоновской редакции везде вводили насильно, а старыя отбирали и сожигали, при чем за утайку секли кнутом «нешадно», священников, которые осмеливались совершать богослужение по старым служебникам, лишали сана, били плетью и батогами, увечили и запирали в земляныя тюрьмы до конца жизни, ссылали (в монастыри, на цепь и т. под.; такой же казни подвергали просфорниц, державших печатать просфоры старой печатью с восьмиконечным крестом**).

Следующая характерная сценка из «прений о вере» в Москве в Грановитой палате в 1682 году показывает, что кары сыпались даже не на упорных и страстных борцов за старину, не на «церковных бунтовщиков», как их окрестили архиереи-тираны, а на простых смертных, желавших при полном подчинении архиереям сохранить старые обряды, с которыми они свыклись. На вопрос Саввы Романова: «Кая ересь и хули и сем, еже двема персты креститися, божество и человечество исповедовати, и в молитве Сына Божия глаголати? За сие чесо ради мучити и в срубях жещи?» — патриарх Иоаким отвечал: «Мы за крест и молитву не мучим и не жжем, но за то, яко

* Ист. выг. Пустыни, И. Филиппова, стр. V, VI.

** Отнош. русск. церк. Власти к расколу, Синайского, ч. 1, стр. 59, 241—243. Указ Питирима, митр. новгор., архим. тихв. мон. Ионе от 18 мар. 7176 г.

нас еретиками называют и святей церкви не повинуются, сожигаем». То же подтвердил и Питирим, епископ нижегородский. Тогда Савва сказал: «Правду ли глаголеши, яко за крестное знамение и за молитву не мучите? То чесо ради, егда приведут перед вас коего христианина, и в первых словесех истязуете его, како крестится и како молитву творит. И аще отвещает оный: крещуся и молитву глаголю по-старому, якоже святая церковь прияла от святых богоносных отец,— и вы за то того часа велите его мучити, и в тюрьму вринете на смерть. И ныне у тебя в Нижнем Новгороде сидят три человека за крест и молитву в яме, которая ископана глубиною саженей десять, под башнею Иванскою. По твоему же приказу, приходил к ним поп Евфимий Мироносицкой, и извед их из ямы, вопрошивал, повинуются ли церкви во всем и архиерею? Они же, приемше от него благословение, отвещаша: во всем повинуемся и волю вашу без прекословия будем творити, точию увольте нам крестное знамение и молитву по-старому имети, и оной поп тебе возвестил: ты же паки повелел в ту же яму бросити»*.

Правительство чувствовало, что оно бессильно, со всем своим арсеналом физического воздействия, покорить народную душу. И эта удивительная стойкость и живучесть народного протеста во имя старой веры еще более раздражала его, как и все оригинальное, все, что не подходило под его мерку, не соответствовало его вкусам и намерениям, вдохновляемым и благословляемым духовными правителями. А к тому же в борьбе за сохранение старой веры правительство, как водится, усмотрело «крамолу», «бунт», «политический элемент».

Правительство напрягало все силы к уничтожению приверженцев старины. Одного огульного обвинения и осуждения было для него уже недостаточно и оно озабочилось составлением подробных правил для розыскания и наказания «раскольников». Преследования дошли до *pes plus ultra*.

В постановлениях соборов, начиная с 1681 года и кончая 1685 годом, обращенных в государственные закон и опубликованных в форме царских указов, установлены были следующий драконовския, крайне жестокия даже для того времени, меры: «Раскольников, которые хулят святую церковь, производят в народе соблазн и мятеж и остаются упорными по трикратному у казни допросу, буде не покорятся, жечь в срубе. Если же у казни покорятся святой церкви, отсылать в монастыри под строгий надзор и по окончании испытания молодых и неженатых не выпускать из монастыря до конца жизни, чтобы они снова не увлеклись в раскол: а женатых отпускать на поруки, и когда окажется, что они снова предались расколу, казнить тою же смертию. Тех, которые перекрещивали взрослых и детей, называя прежнее их крещение неправым, казнить смертию. Тех, кто перекрещивал других, хотя бы он и покорился церкви, после исповеди и причастия казнить тою же смертию без всякаго милосердия. Тех, которые перекрещивались со своими детьми, если раскаются, бить кнутом и отсылать для исправления к местным архиереям, а если останутся упорными, казнить смертию. Обличенных в укрывательстве у себя раскольников, и доставлении им пищи, питья и т.п., если сознаются, одних, судя по вине, бить кнутом и батогами, а других ссылат в дальние города. Кто держит раскольников с порукою, не зная об их расколе, с тех брать пени».

«У раскольников, у которых объявятца дворы и поместья, и вотчины, и лавки, и иныя промыслы, и заводы, а так же и по расколыщиках порутчиков, которые ручались ведая и сосланы будут (за свою поруку) в ссылки, и те их поместья и вотчины и дворы и лавки и промыслы и заводы отписывать на себя Великих Государей и продавать по оценке с большей наддачей для того, что по таким сыскным делам на прогоны и посыльным людям в жалованье их Государские денежные казны исходит не малое число» и т.д.**

* Челобитная Саввы Романова, изд. Кожанчикова, стр. 99, 107—108.

** Новые материалы для истории старообрядства, Барсова, стр. 25 и дал. П.С.З., т. II, 1102.

Комментарии к этим правилам, кажется, излишни: в каждом из них есть то казнь, то огнесожжение, то заключение, то ссылка, то кнут, то конфискация имущества, при чем не щадятся и те, которые «раскаются», «покорятся церкви», и даже те, кто хоть сколько-нибудь сочувствует староверам, «Разыскивать» и «доносить» на «раскольников» должны были решительно все, под угрозой лишения должности или смертной казни: и духовенство, и военные, и гражданские чины, и каждый гражданин.

«Виноград Российский» — этот старообрядческий мартиролог, написанный современниками той эпохи и наполненный кровью, томлениями, застенками, пытками, плахами, огнесожжением, виселицами и прочими казнями, дает до того сильную и яркую картину того страшного времени, что по прочтении вас давит тяжелый и ужасный кошмар от сочетания призраков смерти с клещами, трясками, дыбами, хомутами и живыми кострами,— сочетания, пред которым бледнеют ужасы мрачного средневековья и утонченной испанской инквизиции.

Но когда вообразишь, что могло получиться от применения на практике свирепых законов 1681—1685 годов, то краски автора «Винограда» — Семена Денисова кажутся совсем слабыми для изображения этой глубоко-трагической эпохи в религиозной жизни русского народа.

Вся история этой эпохи состоит из непрерывной бойни, сплошных казней, ссылок, сожжения в срубках и на кострах, пожизненного заточения в сырых подвалах и подземельях, из виселиц, плах, «дыбы», вырывания ноздрей, «урезания» языка и ушей, зарывания живых в землю, наказания батогами и кнутом, сажания на цепь в монастырских казематах и т.п. Даже на Петра I — этого крутого и сурового деспота, человека с каменным сердцем и железным характером, спокойно смотревшего на истязания на «дыбы» и многочисленный пытки в застенках «преображенского приказа», казнившего, не дрогнув, собственноручно целые десятки стрельцов и проч. и даже своего родного сына,— даже на него ужасы тогдашнего «градского закона» не могли не произвести самого убийственного впечатления, и он говорил сам о себе, что от «мысли о (казни) бунтовавших стрельцов... все уды во мне трепещут; помыслия о том, заснуть не могу»^{*}.

Мы уже видели, что сигнал всему этому дал собор 1666 года, который постановил предавать «раскольников» не только церковным наказаниям, но наказывать и «царским, сиречь градским законом и казнением».

Этой же политики держались и все его последователи, лишь привнеся в нее еще больше иезуитизма. Так, Питирим епископ нижегородский, ренегат старообрядчества, отличавшийся свирепыми репрессиями против хранителей старины при Петре I, самоуверенно заявлял в «Пращице»: «Аще в ветхозаветной церкви непокорных повелено убивать, кольми паче в новой благодати подобает наказанию и смерти предавати непокоряющихся восточной церкви. Понеже тамо сень, zde же благодать (sic!): тамо образы, zde же истина: тамо агнец, zde же Христос: тамо манна и вода из камени, zde же тело Христово и кровь из ребр Его истекшая, и прочая таковая, оных древних превосходящая. Не точию убо древле, но и в новой благодати, непокоряющихся и преслушателей святых церкви, повелевает нам Христос Спаситель имети их яко язычников и мытарей. У Матфея бо, в главе VII, глаголет Христос: аще кто церкви не послушает, буди тебе яко язычник и мытарь: еретики же и раскольники не суть сынове церкви, но сущий преслушницы, убо достойни суть преданы быти к наказанию гражданского суда».

Необходимо заметить, что книга «Пращица» издана была много раз с благословения высшего органа господствующей церкви — Синода, и поэтому антихристианское учение Питирима о казни еретиков и непокорников теряет характер личного

^{*} Царица Екатерина Алексеевна, М. И. Семевского, изд. 1884 г., С.-Пб., стр. 15—16.

мнения, обращаясь во взгляд всей церкви. Другой современник Петра I — митрополит Стефан Яворский, местоблюститель патриаршества и первый «президент» Синода, в своей книге «Камень Веры», также изданной много раз с благословения Синода, говорит по тому же вопросу не менее определенно: «Златоуст святыи с прочиими татей и разбойников толкует быти еретиков... Но что творит суд татем и разбойникам?.. Не убивает ли тыя?.. Таково и еретикам творити достоинство... Иного на еретиков врачевания несть паче смерти»...

В одном из «доношений» Петру, перечисляя и рекомендуя ему многообразные способы «смирять раскольников», Питирим заявляет: «А мы под тесноту штрафов и окладов писанием удобнее к церкви присоединяти будем», дабы, по его словам, «не дать им знаку, что он их гонит».

В составленной на основании этого «доношения» собственноручной инструкции Петра I, между прочим, говорилось: «Вожаков и учителей раскольниковских, буде возможно явную вину сыскав кроме раскола, с показанием и вырезав ноздри, ссылатъ на галеры, и буде нет причины явной, то чинить с ними по словесному указу».

Чтобы вы могли, гг., судить о том, каков был вообще в то ужасное время характер «градскаго закона и казнения», я процитирую очень немногим известный документ XVIII столетия, извлеченный из дел «Тайной канцелярии», под названием: «Обряд, како обвиненный пытается».

Этот крайне интересный документ гласит:

«Для пытки приличившихся злодействах, зделано особливое место, называемое застенком, огорожен полисадником и покрыт для того, что при пытках бывают судьи и секретарь, и для записки пыточных речей подъежей; и, в силу указа 742 году, велено, записав пыточные речи, крепить судьям невыходя из застенка.

«Взастенке же для пытки зделана дыба, состоящая втрех столбах, некоторых два вкопаны в землю, а третьей сверху, поперег.

«И когда назначено будет для пытки время, то кат или палач явится должен взастенок с своими инструментами, а оные есть: хомут шерстяной, хкотоому пришита веревка долгая; кнутья, и ремень, которым пытанному ноги связывают.

«По приходе судей в застенки и по разсуждении в чем подлежащаго к пытке спрашивать должно, приводитца тот, котораго пытать надлежит, и от караульнаго отдаецца палачу; которой (веревку) долую перекинет через попережной в дыбе столб и взяв подлежащаго к пытке, руки назад заворотит, и положи их вхомут чрез представленных для того людей встягивается, дабы пытаной на земле не стоял. У котораго руки и выворотит совсем назад, и он на них висит; потом свяжет показанным выше ремнем ноги, и привязывает к зделанному нарочно впереди дыбы к столбу; и растянувши сим образом, бьет кнутом, где и спрашивается о злодействах и все записывается, что таковой сказывать станет.

«Естьли-ж ис подлежащих к пытке такой случитца, которой изобличается во многом злодействе, а он запирается, и по делу обстоятельства доказывают его к подозрению, то для изыскания истины употребляются нарочно:

«1-е тиски зделанныя из железа в трех полосах с винтами, в которые кладутся злодея персты сверху большой два из рук, а внизу ножныя два; и свинчиваются от палача до тех пор, пока или повинится, или не можно будет больше жать перстов и винт не будет действовать.

«2-е наложа на голову веревку и просунув кляп и вертят так, что оной изумленным бывает; потом простригают на голове волосы до тела, и на то место льют холодную воду только что почти по капле, от чего также в изумление приходит.

«3-е при пытке, во время таково-ж запырательства и для изыскания истины, пытанному, когда висит на дыбе, кладут между ног на ремень, которым они связаны, бревно и на оное палач становится за тем, чтоб на виске потянуть ево, дабы более

истязания чувствовал. Есть ли же и потому истины показывать не будет, снимая пытанного з дыбы правят руки, а потом опять на дыбу таким же образом поднимают для того, что и чрез то боли бывает больше.

«Хотя по законам положено только три раза пытаться, но когда случится — пытанной на второй или на третьей пытке речи переменит, то еще трижды пыгается.

«И есть ли переговаривать будет в трех пытках, то пытки употребляют до тех пор, пока с трех пыток одинаковое скажет, ибо сколком раз пытан ни был, а естьли и чем-нибудь разнить в показаниях будет, то в утверждение должен еще три пытки вытерпеть; а потом и огонь таким образом: палачь, отвязав привязанные ноги от столба, висячего на дыбе растянет и зажегши веник с огнем водит по спине, на что употребляют веников три или больше, смотря по обстоятельству пытанного.

«Когда пытки окончатся и пытаной подлежать будет по винам ссылки на каторгу, то при посылке от палача вырываются ноздри зделанными нарочно клещами. Есть ли же которые подлежат смертной казни, то и таковых, в силу указов, до будущего о действительной казни определения, велено ссылать на каторгу ж, а при посылке также; ноздри вырезаются. И сверх того особливими присланными стемпелями на лбу и на щеках кладутся знаки (:вор:) в тех же стемпелях набиты железный острый спицы словами и ими палачь бьет в лоб и щоки, и натирает порохом, и от того слова видны бывают»*.

Вы поражены, гг., вам не хочется верить, что все это было, одно представление в вашем воображении этих ужасов человеческого зверства вас коробит, выворачивает вашу душу! А между тем все это было наяву, практиковалось в жизни в самых широких размерах и больше целого столетия. И главным объектом для применения таких свирепых законов и судебных порядков были люди старой веры. А что всего чудовищнее, так это то, что в любой момент кто угодно, сказав: «слово и дело!», мог любого человека притащить в застенки на «дыбу».

Отсюда становится вполне понятным то страшное и почти небывалое в истории человечества явление, когда терроризированная народная масса стронулась с насиженного места, бросила все, в ужасе бежала во все стороны, кто куда мог,— в леса, в непроходимый места, па глухия окраины и в чужия страны, зарывалась и землю и сожигалась целыми сотнями и даже тысячами, лишь бы не попасть в руки «антихриста» и его «шишей»,— «учителей неправедных и немилостивых» и «владык жестоких».

И невольно восхищаешься удивительной стойкостью, нравственной доблестью и безпримерным самоотвержением этих борцов за великое и священное человеческое право — верить по совести и молиться по велениям своего сердца, поддаешься неотразимому и глубокому очарованию этими людьми, так сурово жившими, так много ждавшими в вечности от своей тернистой, страдальческой, но яркой жизни, протекавшей без единого луча радостной надежды на возможность или близость торжества своего дела, и веришь, что их великую заслугу, запечатленную кровью мученичества, и обаятельные имена никогда не забудет история, воздающая должное всему высокому, честному и благородному.

В тяжелой и неравной борьбе пали обаятельные образы великаго богатыря-протопопа Аввакума, боярыни Морозовой и княгини Урусовой, дьякона Федора и целыя тысячи прочих, заметных и незаметных, героев духа и борцов за старину, крепких верою, живых, ревностных и деятельных; пала и Соловецкая обитель, после многолетняго «сидения», с ея доблестными защитниками; но не пала их вера в свое дело, и эта вера «сдвинула горы». Несмотря на ужасы кровавой инквизиции, несмотря на виселицы, костры, эшафоты, застенки, «дыбу» и пытки, дело их не погибло, но разрослось, окрепло и ныне завоевывает права гражданства.

* «Слово и дело», М. И. Семевского, изд. 3-е. 1885 г., С.-Пб., стр. 7—9.

И прав был, гг., протопоп Аввакум, когда писал о мучениках, сожигаемых на кострах: «Из каждой золинки их, из пепла, аки из золы феникса, израстут миллионы верующих». — Его пророчество сбылось.

К старообрядчеству ныне принадлежат миллионы русского народа, и оно имело в русской истории огромное значение. Лишенное в родной стране всех прав на существование, претерпевая все ужасы жестоких гонений, отдавая себя в жертву безпощадных и неумолимых гонителей, влача самую тяжелую и несносную жизнь, старообрядчество до настоящего времени сохранило в себе всю силу внутренней духовной жизни, которая и составляет сущность христианской церкви, независимой от мирской власти. Оно выше всего ценило веления своей совести, правоту своих верований и независимость церковного духа. Идя на плаху или костер, оно отстаивало принцип свободы веры и совести, оно спасало ее от опеки правительственной власти. Два с половиной столетия страшных гонений пережило старообрядчество, но изменить самому себе оно не могло; превратить свою церковь, эту совокупность живых верующих душ в бездушный придаток к государственной машине старообрядчество считало хуже смерти, ужаснее всяких пыток и мучений. Христос и верующия, свободно, по совести, идущия к нему души, — вот тот идеал церкви Божией, который старообрядчество ревниво оберегало от посягательства гражданских и чуждых ему духовных властей. — «Кесарево — кесарю, а Божие — Богу», — вот принцип, на котором всегда были построены отношения старообрядчества к государственной власти.

Кажущийся теперь новым принцип отделения церкви от государства вовсе не так нов. Еще протопоп Аввакум спрашивает: «В коих правилах писано — царю церковью владеть и догмат изменять, святая кадить?» И тут же обличает и Никона, который стремился «святительство» поставить выше «царства», тогда как церковь должна заботиться только о спасении душ.

Находясь все время в преследовании правительством, будучи предоставлено лишь самому себе, старообрядчество, в силу этих исторических условий, являлось во внутренней своей жизни совершенно свободным и независимым от влияния и мертвящей опеки государственной власти. Живя вне закона, не признанное им, старообрядчество показывало и показывает собою светлый образец того, что прочность всякому обществу дают не столько писанные законы, сколько его сущность, внутренняя сила и духовная связь.

Несомненная историческая заслуга и значение старообрядчества заключается в том, что оно через 2½ столетия гонений с достоинством пронесло свое знамя, давая собою яркий пример здоровых и нормальных отношений между церковью и государством, и отстояло своей грудью от иноземного натиска все, что было здорового, светлого и жизнеспособного в национальной русской старине.

Кровавая полоса в истории старообрядчества тянулась слишком 100 лет, до 60-х годов XVIII столетия, т.е. до царствования Петра III и Екатерины II. Но с этого времени начинается отмена прежних жестоких гонений, не достигших намеченной правительством цели, что внесло некоторые облегчения в жизнь староверов. Но свободы веры правительство все-таки не дало. Оно смотрело как бы сквозь пальцы на исполнение их духовных потребностей, но открытаго «оказательства раскола» попрежнему не допускало.

Объясняются такие уступки старообрядчеству тем, что правительство в это время обратило большее, чем прежде, внимание на внутреннюю экономическую жизнь государства и, между прочим, решило заселить богатая, но пустынные окраины: Новороссию и низовое Заволжье. Начали для этой цели приглашать иностранных колонистов, предоставляя им значительные льготы. Вспомнили в это время и о старообрядцах, коренных русских людях, свирепыми гонениями разогнанных с родины и за-

гнанных в чужия земли, и решили их рабочую силу, трудолюбие и терпение использовать на окраинах России.

В 1762 году был обнародован указ о свободном возвращении «беглецов» на родину, в котором объявлялась «амнистия» по всем прежним делам. Затем последовали и другие указы и распоряжения о льготах. Старообрядцы вздохнули легче.

Кроме экономических причин, вызвавших эти льготы и послабления, имели в этом вопросе значение и политические причины. В то время проникли в Россию новые веяния с Запада, где под влиянием цивилизации давно уже прекратились гонения на веру и совесть. А затем разразилась великая французская революция, слабые отголоски которой доходили и до нас. Перепуганные европейские правительства спешили делать народам уступки.

Екатерина II и образованное русское общество того времени находились под влиянием новых веяний и грозных политических событий. Крестьянский бунт под предводительством Емельяна Пугачева, который в своих манифестах «жаловал» народ не только землю, но и «крестом и бороною», т.е. свободой старой веры, также не мог не повлиять в этом вопросе на Екатерину II. Всем этим отчасти и объясняются льготы старообрядцам и некоторые другие реформы того времени. Но все эти льготы не были основаны на точном праве и законе, а зависели от усмотрения власти. И поэтому, попрежнему, особенно в провинции, царил произвол, взяточничество властей по отношению к старообрядцам и т.под.

Такое время сравнительно сноснаго положения, с незначительными отклонениями то в сторону репрессий, то послаблений, продолжалось до тридцатых годов XIX столетия — времени расцвета николаевского режима, с его идеалом «палки». В царствование Николая I, когда забыты были все помыслы о реформах и царила неудержимая реакция, все льготы старообрядцам пошли на смарку. Воскресли прежние драконовские законы и гонения, за исключением лишь плахи, петли и костра; — старообрядцы снова лишены были всех прав гражданства, почти окончательно были лишены священства и возможности совершать боогослужение. У них отнимались или закрывались храмы, отбирались книги, утварь и т.д. Был даже случай зарытия в землю живых, забитых до полусмерти староверов. Бог знает, до чего бы дошли эти гонения, если бы неудачная крымская кампания не заставила правительство сделать поворот во внутренней политике в сторону реформ. Намечены были опять, хотя и очень слабая, льготы старообрядчеству. В 1874 году был издан новый, хотя и неудовлетворительный, закон о старообрядческих браках, а в 1883 году закон об общем положении старообрядчества в государстве и его религиозных правах. Но и этот закон, и без того очень несовершенный, в период наступившей, с призыванием к власти Победоносцева, реакции был сведен почти на-нет.

В 1900-х годах при министре Сипягине было покушение отнять у старообрядцев и те мизерные права, которыми они пользовались по закону 3 мая 1883 года, но вследствие обращения старообрядцев с коллективной петицией на имя Государя Императора, за подписью около 50,000 человек, эта мера была приостановлена.

Когда неудача на Дальнем Востоке заставила опять взглянуть на устройство лучших порядков в государстве, был издан указ 17 апреля 1905 года о веротерпимости, отменивший прежние стеснения и ограничения прав за веру. Были бюрократический попытки «разъяснить» и урезать этот указ, но безрезультатны.

17 октября 1905 года был издан Высочайший манифест об установлении нового государственного строя, о призывании к делу управления народных представителей, о свободе совести и прочих политических свободах. С этого времени старообрядцам разрешено было то, что не разрешалось даже и после указа 17 апреля 1905 года, например архиерейския служения па Рогожском кладбище и т.под.

17 октября 1906 года был издан временный закон о старообрядческих общинах,

хотя и не совсем удовлетворительный, но все же дающий старообрядцам некоторый новый права.

Закон этот был внесен правительством на уважение 2-ой Государственной Думы; в нее же были переданы, уполномоченными 3 чрезвычайного всероссийского съезда старообрядцев в Москве 15—17 мая 1907 года, и желательныя для старообрядцев поправки и изменения. Но она не успела этот закон рассмотреть.

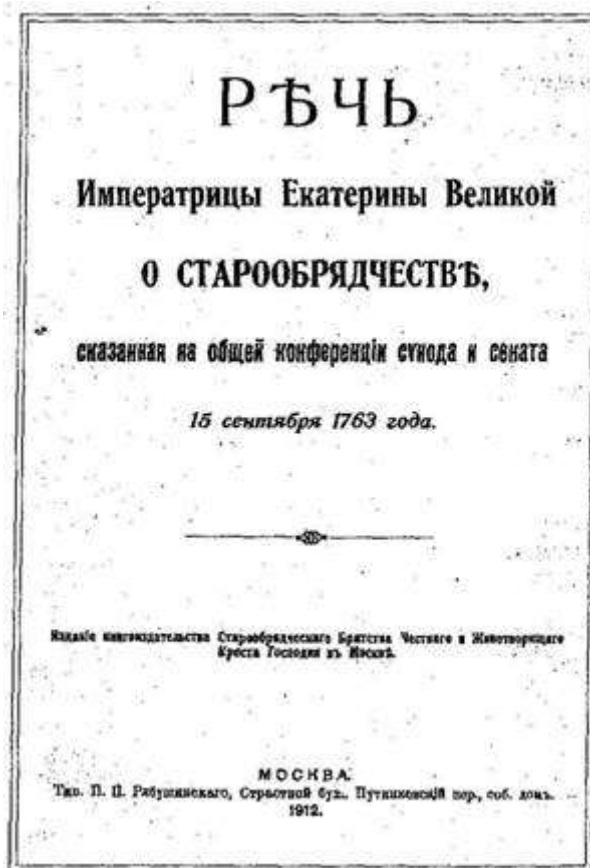
Ныне он вновь внесен в 3-ю Государственную Думу, которая, вероятно, удовлетворит справедливыя желания старообрядцев, и закон выйдет из нея в более или менее благоприятном виде.

Эта краткая экскурсия в область законодательства о старообрядчестве и отношений к нему правительства учит нас, старообрядцев, одному: что наше дело есть только часть всенароднаго общерусскаго дела, что нам давали льготы тогда, когда давали их всему народу, и отнимали их, когда начиналась реакция, и что, следовательно, мы получим надежныя гарантии твердости и незыблемости своих религиозных прав только тогда, когда их получит весь русский народ.

Героический период нашей истории окончился. Наступила новая эра — нашего приобщения к благам просвещения и общечеловеческой культуры, пора серой и кропотливой будничной работы по укреплению и развитию того дорогого наследия от древней русской церкви, твердость котораго запечатлена кровью наших предков. Эта малозаметная работа, правильно поведенная, несомненно, даст со временем блестящие результаты, и горе нам будет, если мы не выдержим своего экзамена, не выполним, или выполним дурно возлагаемую на нас моментом задачу, — нам будет укором память о наших предках, нас осудит неумолимый и неподкупный судия — история.

**РЕЧЬ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ О СТАРОБРЯДЧЕСТВЕ,
СКАЗАННАЯ НА ОБЩЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ СИНОДА И СЕНАТА
15 СЕНТЯБРЯ 1763 ГОДА**

Преосвященные архипастыри и гг. сенаторы!

В русской империи, Промыслом нашему управлению вверенной, издавна продолжается раздор и раскол между архипастырями и народом. Я, насколько могла, старалась понять суть раздора и, надеюсь, поняла удовлетворительно. Эта суть знакома их преосвященствам, а вам, гг. сенаторы, мы постараемся ее объяснить. Не сейчас и не вчера, а как только я, по внушению неба, почувствовала себя родною великому русскому народу и его скорби, и его радости, до глубины души огорчилась раздором между архипастырями и народом, и положила на своем сердце — истощить все средства ко уврачеванию этой язвы, разъедающей государственный организм. Каждого из архипастырей и ученых и духовных расспрашивала я: из-за чего именно и как явилась и продолжается толико упорная с обеих сторон вражда, расспрашивала каждого и здесь присутствующих архипастырей. От всех их я выслушала следующее: «Русская церковь от недо-статочнаго общения с восточными патриархами в продолжении нескольких веков утратила правильность и чистоту сноси обрядности; о падении нашем не сами мы, русские, догадались, а надумали нас греческие и киевские отцы, примерно с 1649 года начавшие наезжать на Москву. Первое из погрешностей, на которую они указывали с наибольшим рвением со многими «зазираниями и осуж-

дениями», было сложение двух перстов для крестнаго знамени. Знакомясь далее с нашими якобы падениями, греческие и киевские отцы нашли еще несколько обрядовых разностей. Прибавление слова «истиннаго» к слову «Господа» в символе веры, произношения «Исус» вместо «Иисус», двойное аллилуйя вместо троения, хождение по солнцу вместо хождения против солнца, употребление на проскомидии семи просфор вместо пяти, печатание просфор круглою печатью вместо квадратной, именованье в одной из молитвенных пресловий Сыном Божиим, а не Богом».

Гг. сенаторы! Вы сейчас встречаете великую скорбь, яко бы к небу вопиющия преступности нашей церкви против восточных патриархов были причиною раскола. Что до нас, то нам припомнилось путешествие Гуливера, попавшагося после крушения его корабля в одну страну, так называемую «лиллипуты», в которой существуют люди величиною в 3 или 4 вершка. «Народ этой страны,— рассказывает Гуливер,— уже целые века подвергается страшному истязанию и смертельным казням за то, что он ослушивается определения верховной власти, чтобы разбить яйцо непременно с острого конца; если же кто разобьет с тупого конца, тот безошадно попадет на кол или костер».

Итак, все эти зазирания и осуждения греческими и киевскими отцами нашей отечественной обрядности, гг. сенаторы, и затем внутренние запреты и проклятия, истязания и казни не похожи ли на лиллипутские споры и междоусобия из-за того, с которого конца разбивать яйцо, и не суть ли они внушения суетности, тщеславия и склонности греческих и киевских отцов учить и драть за ухо нашу отечественную церковь, а при этом обирать наших царей и народ, дескать, за науку, за яко бы спасительную для нас проповедь, словом — показать нам свое пред нами яко бы превосходство и нашу в них яко бы необходимость. По моему, господа сенаторы,— продолжает мудрая Екатерина,— государю Алексию Михайловичу следовало бы всех этих греческих отцов выгнать из Москвы и навсегда запретить въезд в Россию, чтобы они не имели возможности затевать у нас смуты, а киевских отцов просто разсылать по крепостям и монастырям па смирение. До сих пор, господа сенаторы, все это, признаюсь, сначала возбуждало во мне веселость. Но никак не допуская, чтобы человечество, нет не только человечество, а христианство, и сие в высших нарочитых его носителях и представителях, могло позволить себе унизиться до таких безразсудных размеров, мы потребовали подлинныя деяния собора 1667 года, и нам показали его соборный акт от 13 мая, коим, как нам объяснили, этот собор увенчал нее прежний с 1649 года начавшийся зазирания, осуждения, запреты и проклятия поименованных обрядностей. Прочитывая этот злополучный акт, мы натолкнулись на новую характерность, про которую отцы мам не говорили. Вы уже знаете, что отцы с проклятиями, запретами произносят Сыне Божий на так называемой молитве ко Иисусу. Надеюсь, вы поняли бессмысленность и преступность клятвы. Но это не все, а вот что мы еще вычитали в этом акте. Отцы с проклятиями запретили говорить «Сыне Божий» только на соборе, т.е. на церковных, общественных священнослужениях, а во всех остальных случаях предоставили свободе каждого говорить: и «Боже наш», и «Сыне Божий». Стало быть, во всех этих остальных случаях и «Сыне Божий» здесь в этой молитве находили Богу угодным и спасительным. Что же это такое? Признаюсь, господа, этот момент и этот акт, и этот май, и это 13 число, и эти отцы в представлении моем примяли образ чудовища, зверя, адом, изрыгнутым на посрамление веры христианской, на посрамление человечества!

Затем, гг. сенаторы, допрашивали мы преосвященных архипастырей. Во всех осужденных 13 мая обрядовых действиях и чтениях есть ли какая противность или вере христианской, или канонам церкви, или интересам государства? От всех мы получили полное отрицание. Зачем же, допрашивала я отцов, зачем вы за эти клятвенные запреты стоите так упорно и азартно, что, например, 15 мая 1722 года определили лишить церкви и таинств каждого из православных за то только, что он крестится

двумя перстами? Вот, отвечают, что это делают они по должному послушанию великому и святому собору 1667 года, положившему клятвенные запрещения на двуперстие и крестящихся двуперстно с таким подтверждением, что скорее весь чин природы разрушится, а клятвы эти пребудут неразрешены во веки веков, аминь!

Да, да, господа, я уже сказала, что читала этот злополучный акт и подтверждаю, что ссылка на него отцов безупречна. Но что же в этом, ежели и клятвы несправедливы и запреты безразумны? Неправедная клятва не обращается ли на самих проклинателей? Все эти клятвенные запреты ничтожнее для нас комара: этот, по крайней мере, ужалить может, а безразумные клятвы? Что это, как не перебранка между собой базарных торговцев, что это, как не лай собак на толпу проходящих! Да, гг. сенаторы, да, преосвященные отцы! Ежели есть в Церкви Божией праведная клятва, то по истине стоит ей акт 13 мая и составители его... Да, да, преосвященные отцы; в этом вашем акте мы вот еще что вычитали во удостоверение праведности и непреложности своих закланий, именно: «аще же кто и умрет во упрямстве своем, да будет и по смерти не прощен и не разрешен, и часть его и душа его с Иудою предателем и со Арием, и с прочими безбожниками и еретиками. Камение и древесина да разрушатся и растлятся, а той и по смерти пребудет не прощен и не разрешен, яко тимпан во веки веков, аминь!» Это, господа, значит, что тела умерших в непокорстве отцам 13 мая до Страшного Суда не предадутся разложению, что их, как говорится, не будет принимать земля. Это отцы обещают нам во имя Великаго Бога. Так ли, преосвященные отцы, поняли мы ваш соборный акт 13 мая? (Молчание). Отчего же Бог не послушал и не слушает вас, отчего не видали мы ни одного такого знамения? Господа, слышали ли вы когда-нибудь, чтобы какого-нибудь старообрядца не приняла земля?

Преосвященные отцы! Давайте же нам такое знамение, покажите нам такая телеса, или хотя одно такое тело покажите, или же откажитесь, от своих клятв и запретов. Клятвы и запреты! — против чего? Против предметов не только безвинных, не только честных, богоугодных и спасительных, но даже более осмысленных и более продуманных, чем указано со-борне. Телесные озлобления и смертельные казни, кнут, плети, резания языков, дыбы, виски, встряски, виселицы, топоры, костры, срубы — и все это прогни кого? Против людей, которые желают одного: остаться мерными вере и обряду отцов! Преосвященные отцы! За что вам на них так звериться и сатаниться? Есть ли у вас хотя искра, хотя призрак человеческого чувства, совести, смысла, страха Божия и страха людского? Святителей ли я вижу? Христиане ли предо мной зверятся и беснуются? Люди или звери устремляются пред моими глазами на растерзание Христова стада и на колебание основ Провидением нам вверенной матери?!

На дальнейшие наши расспросы: в праве ли и не обязаны ли св. синод и архипастыри исправить ошибки своих предшественников, нам отвечали приблизительно следующее: Собор есть голос церкви, есть сама церковь, а церковь непогрешима. Узнает народ, что собор 1667 года погрешил, у него поколеблется вера в свою церковь.

Ясно, господа сенаторы, что преосвященные отцы указывают нам церковь не истинную, а ложную и лживую. Не та Церковь, которая истинность своих соборов доказывает согласием их с учением Христа и апостолов, а та, которая на слепой вере народа, собор мнит строить несправедность безразумств, никому не позволяя сомневаться в достоинстве ее определений. Скажу яснее и прямее: не та церковь, которая имеет право исправлять ошибки своих первосвятителей, а та, в которой эти первосвятители не только не позволяют никому обличать их ошибки, но и принуждают веровать в эти ошибки, как во внушения Бога. Но ни престол, ни государство не могут быть крепки, стоя на лжи и обмане. Гг. сенаторы, преосвященные отцы! Я с помощью Бога на всяком их слове опровергала и стыдила. За всем тем, на все наши предложения исправить давнейшие погрешности, они в этом нам отказывали и отказывают. Вот, гг. правительствующий сенат, цель сегодняшней вашей конференции с

св. синодом. Сегодня, при содействии вашем, мы надеемся сломить его упрямство, а вы, гг. сенаторы, будете свидетелями пред отечеством, ч/о меры, кои мы на случай дальнейшего упорства имеем принять, вынуждены у нас преосвященными отцами. К вам обращаюсь, св. синод, и вместе с сим возвращаюсь к вашему определению от 15 мая 1722 года. Спрашиваю: о мудрости ли, о просвещенности ли, о пастырности ли свидетельствует этот акт? Удивляюсь вашему ослеплению: народ валит в церковь и, конечно, со своим от отцов унаследованным двуперстием, а архипастыри будто как злодеев встречают его проклятиями и угрозами истязаний и казней. Кто же из вас раскольники, кто злодеи? Можем ли мы терпеть это пятно, эту нечисть, этот позор на нашей императорской порфире, на отечественной церкви, на ея иерархии и, наконец, на вас самих, преосвященные отцы? Хотя знаю, самая мысль разстаться с этой нечистотою приводит вас в ужас и негодование! Не трогаю ваших ни запретов, ни проклятий: пусть они последуют за вами и туда, где раздают их по достоинству. Отвечайте, преосвященные отцы, согласны ли вы уступить русскому православному народу, уступить нам только любезное двуперстие? Согласны ли вы ваш акт от 15 мая открыто и явно заменить актом, ему противоположным?

— Самодержавная государыня, великая мать отечества! — в один голос отвечают члены синода.— Святая церковь непогрешима, а собор — ея голос. Великий святой собор изрек клятвенное запрещение на двуперстие, это изрекла сама церковь; веруем во Христа, веруем и в Его Церковь. Твоя власть, великая государыня, над пашей жизнью, но жизнь наша — Христос и Его Церковь, за Христа и Его Церковь мы умерен» готовы. Искоренение двуперстия есть задача нишей жизни и нашего святительства. Делай, государыня, что тебе угодно, но без нас.

— Слышите, гг. сенаторы? — продолжает мудрая Екатерина.— Слышите, какую хулу возводят архипастыри на Христа и Его Церковь, какую грязью бросают они им прямо в лицо, называя Телом Христа и Его Церкви блевотины своего изуверства? Знаю, преосвященные отцы, что Церковь святая непогрешима, а соборы суть ея голос. Но не могут же быть святыми соборы разбойнические? Таков по содержанию и последствиям собор 1667 года. Не произношу суда над ним: суд над соборами принадлежит Церкви и ея соборам. И собор 1667 года пусть будет свят и непогрешим во всем остальном; но что касается до акта его от 13 мая, то это ничто иное, как извержение невежества, гордости, злобы, насильства и изуверства. Гг. сенаторы! Сам св. синод, здесь, в присутствии вашем, признался, что его собственный акт от 15 мая 1722 года есть родное детище соборного акта 13 мая, есть точное отражение, отпечаток этого акта, а вы видели уже достоинство их обоих. Пусть для членов синода, пусть для всех архипастырей и российских и греческих собор тот будет и велик и свят. Но нам-то, императрице русскаго народа, какое дело до святости и великости собора, если постановления его безумны? И не будем ли мы отвечать перед историей и потомством, и куда скроемся мы от собственной нашей совести, если, противопоставив с одной стороны несправедливость и безумство соборных запретов и проклятий, а с другой — справедливость, громадность и энергию протеста,— останемся среди них безучастными и бездеятельными? Акт «великаго и святого» собора с проклятиями и угрозами истязаний повелевает мне креститься непременно тремя перстами. Но что если двуперстно слагать знамение креста научила меня дорогая мне мать, поясняя, что это слагание есть завет Церкви и предков, что, храня этот обряд, я чту их память и, сохраняя уважение к Церкви, привлекаю на себя благословение неба? Недаром, ведь, Бог еще в ветхом завете проглагоал: «Чти отца твоего и мать». По можно ли чтить отца и мать, и плевать на бабку и деда, на ближних и отдаленнейших предков, если учение их не отступало от учения Церкви. Это я говорю, входя в чувство каждой гражданки, дочери и матери. Теперь скажу, как императрица. Основание государственности есть семья, крепость семьи, почтительная преданность

родителям, крепость всей совокупности семьи, крепость государства, благоговейное оп ни пение к памяти предков. Дозволим же ли мы кому-то пи (шло разрушить сию важнейшую из основ государственности, бросая грязью и огненные стрелы в верования, обычаи и в справедливый обряд предков?

Преосвященные отцы! Вот вам мои два перста. Гг. сенаторы! Вот вам наше исповедание Распятого! Вот, я при всех вас этим двуперстием полагаю на себя знамение креста, полагаю твердо и истово, как крестились предки, как крестится теперь народный протест. Видели? Св. синод осмелится ли сказать, что я — еретичка, что я — раскольница, что я — противница Распятому и Его Церкви? Да, я противница, я презрительница, но только не Христа и Его Церкви, а ваших, св. синод, безразсудств и вашего, отцы архипастыри, достойного проклятий собора 13 мая. А будучи сама исповедницею Распятого, но презрительницею ваших и соборных, и синодских бредней, могу ли осуждать русский православный народ, осуждать старообрядчество, народный протест, который вы называете расколом? Гг. правительствующий сенат! Вот я во второй раз крещусь двуперстно и с сим после знамением веры в Бога-Человека, с этим символом любви к Распятому, свидетельствую вам пред Господом-сердцеведцем, что не допущу, чтобы в империи, Всевышним Промыслом нам вверенной, продолжать невежество, чтобы наше царствование и наше имя в истории загрязнили безобразничества их преосвященств — Крещусь в третий раз, в третий раз подтверждаю, что сие пани.: намерение будет нами исполнено, что пе далее, как сегодня, и не позже, как в это заседание, русский православный народ получит полную свободу крести и обряда. Еще раз обращаюсь к вам, св. синод, уступите нам, уступите доброду, любезно верному нам русскому народу его родное, отечественное и любезное им двуперстие.

— Всемиловейшая государыня! — отвечает синод.— С благоговением выслушали мы твое исповедание, со смирением обличения в глубине своих совестей мы признаем и без колебаний исповедуем святость двуперстия. Но здесь, в общем собрании, с сенатом мы обязаны разсудить не только как пастыри, но как государственные деятели и администраторы. Прими но внимание, государыня, невежество и грубость руссаго народа. Ежели и может что его обуздывать, то но одна сила и страх. Какую же силу и какой страх может чувствовать парод к правительству, которое именем Бога и Его Церкви изреченныя повеления обращает в ничто, повеления, который честно и грозно содержал целый ряд правительств? Твоя воля и твоя власть. Но, великая государыня, мы, всероссийский синод, за себя и за всех архипастырей российской церкви, и настоящих и будущих, дерзаем тебе сказать, что не примем участия в разрушении тобою православной церкви и собственного твоего престола.

— Слышите, гг. сенаторы! — к сенату обращает речь императрица.— По окончательному приговору архипастырей и церковь, и престол рушатся, если мы окажем справедливость нашему верному народу, окажем уважение к тому, что для него и есть, и искони было священо; ежели мы, даровав ему свободу креститься двумя перстами, почтим его предков, а почтив предков, удесятерим силу и крепость государства. По словам св. синода, и церкви и престолу грозит разрушение, если мы будем управлять разумно, просвещенно, справедливо к человечеству. По св. синоду, и церковь и престол крепки только насилием, проклятиями и смертельными казнями за слагание двух перстов и за молитву, и за именоване в молитве Спасителя «Сыном Божиим» и т.д. Я могла бы продолжать безконечно, но и наш язык и ваш слух для нынешняго дня уже довольно натерпелись, теперь, гг. правительствующий сенат, извольте сказать нам ваше мнение.

Всемиловейшая государыня! — отвечает сенат.— Сии три часа, в которые слух наш преисполнился слышанием твоих поистине боговдохновенных речей, и сей день 15 сентября впишутся и на небесах и ит книгу жизни, и здесь, и на земле в серд-

цах твоего народа и его истории. А в объяснениях и воззрениях св. синода не находим ничего твердаго и основательного. А потому ты поступишь как истинная мать отечества, если всемилостивейшим манифестом, помимо св. синода, объявишь российскому народу свободу креста и обряда, что ты уже обещала.

— Благодарю вас, правительствующий сенат, — отвечает государыня. — Благодарю за ваше решение: в нем выразилась и мудрость и попечительность о благе народа, всегда нам свойственная. Но мы не принимаем нашего решения. Правда, как императрица, как прирожденная самодержавная представительница русского народа в делах его церкви и государства, как сам народ, мы и Богом и народом облечены правом и властью устанавливать все для него полезное и освобождать его от всего ему несвойственного, и, прибавляю, принятием предлагаемой вами меры мы придали бы необычайный блеск и нашему царствованию и, что важнее, самому императорскому престолу. Но мы не желаем в глазах народа унижить св. синод, это — за неимением лучшего, — высшее церковное учреждение, приняв не только помимо его, но и прямо вопреки ему, меру неизмеримо великой важности. Не желаем также положить на св. синод неизгладимого пятна в истории и, что считаем и того важнее, обнаружить пред очами иноземцев внутреннюю нашу неприглядность. У нас есть мера, которая не касается ни прав, ни убеждений св. синода, а между тем дает нам возможность исполнить сейчас данное нами обещание, — сегодня же дать верному нам русскому народу крестное слагание для крестного знамения, — обещание, которое мы торжественно и трикратно подтвердили знаменем креста, и, как вы видели, не синодское слагание перстов, слагание, навязанное некогда русскому народу насилем, невежеством и изуверством, слагание, которое введено с проклятиями из проклятий, истязаниями и смертельными казнями. Народу, любезному нам русскому народу, не как невежественному и грубому, как думают о нем преосвященные отцы, дадим свободу обряда, в котором так сердечно и глубоко, как ни в одном из народов мира, развита вера во Христа и к престолу. Мера эта, гг. сенаторы, — отмена государственной религии и полная свобода вероисповеданий. Секретарь, садитесь и пишите в этом смысле наш всемилостивейший манифест.

— Всемилостивейшая государыня! — бросившись на колена, возопили члены синода. — Что вы делаете? Вы разрушаете и церковь и престол!

— Что это за церковь? — возражает государыня. — Что это за церковь, которая только в покровительстве, только в мече императоров знает свое спасение и свою недолимость? Так вот, отцы, какова ваша церковь, а мы этого еще не знали! Не хочу быть в вашей церкви. Я знаю Церковь единую, соборную, апостольскую; знаю Церковь, в которой Господь Духом Своим Святым пребывает со Отцем и во веки пребывает, и которую не император мечем своим, а Господь Духом Своим сохраняет и во веки сохранит неодолимою от врат адových. Да, сегодня я в отечественную церковь уверовала; уверовала, что Господь и ее, как члена церкви вселенской, охраняет, а теперь меня св. синод ставит на месте Христа и Святаго Духа, от меня, от нашего императорского меча, как папства, надеется неодолимости своей церкви? Я сохраняю неодолимость церкви. Стало быть, я более, я выше, я сильнее церкви! Нашему сердцу чужда эта преступная суетность. Разве не довольно нам великой империи, чтобы благотворить человечеству. Зачем посягать нам ни Церковь, на достояние Христово? Мало нам нашей империи? Христос даст нам Константинополь, быть может, и весь Восток, если мы сохраним верность ему. Я сильнее церкви; но если так, то, стало быть, сама я вне этой церкви. Вам, преосвященные отцы, с вашей церковью хорошо за мной, за нашей спиной, за нашим императорским мечем, а нам-то каково? Как я-то, бедная, останусь без Церкви? Гг. сенаторы, в какой церкви вы быть полагаете? В той ли, неодолимость которой охраняю я, или в той, которую охраняет Христос? Если в последней, то приглашаю вас вместе искать, где она. Мы имеем Церковь вселен-

скую, но непосредственно в ней быть нельзя, непременно должна быть посредствующая, каковою до сего дня была наша поместная, отечественная русская церковь! Но русская церковь разделяется на две церкви: старую и новую. Новая церковь, старая церковь, а между тем обе российские? Как эти слова странны ушам, разительны для сердца! О, Провидение! Озари ты наши умы и сердца в сей священный для нас час! О, Провидение! Благодарю Тебя! Гг. сенаторы! Я всегда всем сердцем веровала Провидению, и Провидение сейчас не оставило нас: оно показало нам церковь и церковь ни как не новую, а, несомненно, старую и притом отечественную, хотя и не синодскую. Вы сейчас слышали от представителей отечественной церкви, что неодолимость ея охраняют государи своим императорским мечем. По такую ли она была до учреждения синода? Такая ли вера принята была нами, русскими, сначала? Никак! Слало быть, теперешняя наша государственная церковь есть новая. Когда же, с какого момента она стала такою? Какая катастрофа и когда могла обрушиться на нашу древнюю церковь? Ужели такая громадная реформа могла совершиться без протеста, без борьбы, не оставив в истории после себя ни памяти, ни следа? Куда девалась древняя наша церковь, — церковь, которую мы получили из рук просветителя земли русской, которая не впадала в Христорство, ставя у себя царей вместо Христа, которая веровала во Христа, как в своего Главу и Охранителя, которая поэтому была истинным членом вселенской Церкви и, как член последней, и сама была причастницей неодолимости, обещанной Господом? Где же ныне, где ныне наша древняя святая Мать? О, Провидение! Благодарю Тебя, сугубо благодарю, нет, благодарю стократно, нет — тысячекратно, нет — до конца дней моих не перестану благодарить Тебя и помнить, что Ты в сей день и час ярким светом просветило меня! Гг. сенаторы! Постараемся припомнить, не найдем ли мы в прошедшем чего-нибудь похожего на искомую катастрофу, а по ней какого-нибудь следа или слуха о древней нашей Матери. Господа, внимание! Что такое наш раскол? Что такое старообрядчество? Припоминаю события и их последовательность. Русский православный народ искони крестился двуперстно. Не перечисляю других обрядов. Все это было прекрасно, все превосходно, богоугодно и спасительно. Нам не было надобности до обрядности греков, а равно и грекам до нашей. Обе церкви, — и греческая и наша, — жили в мире и общении. Восточные отцы, епископы, митрополиты, патриархи, бывая у нас на Москве, прославляли благочестие Руси, сравнивая с солнцем, освещающим вселенную. Но вот, с восшествия на патриарший престол Никона, начинают наезжать на Русь греческие и киевские отцы. Посыпались сначала «зазирания» и «осуждения» нашего до этого года для самих греков честнаго и святого двуперстия. За Никоном последовал собинный друг его, государь Алексей Михайлович. «Зазирания и осуждения» превратились в прямые запрещения. Затем последовали анафема и проклятия; за ними — «телесныя озлобления» или истязания и наконец, гражданский казнения, т.е. смертельный казни. Что же это значит? Значит, что эти «зазирания» встретили в русском народе возражения и негодования, коими правительство и церковное, и — увы! — светское пренебрегло. Этого мало. Правительство перешло на сторону чужеземных агитаторов и авантюристов, правительство стало против своего народа и потребовало от него отречения от двуперстия и старого обряда, отречения от свободы, от своего достоинства, от предков, от благочестия и народности. Правительство в полном составе изменило отечеству и этой измены потребовало от народа. Народ, разумеется, воспротивился, а правительство и при этом не усмиренномудрилось и свои требования поддержало церковными анафемами и проклятиями, на кои народный протест отвечал тем же, и справедливо. Ежели церковный анафемы и проклятия рсточаются безразсудно, то оне перестают быть святыми и церковными, а превращаются в ругательства. Если просвещенные и преосвященные архипастыри первые обратились к народу с ругательствами, то можно ли винить народ, если он отвечал тем

же? Да и не обязаны ли были архипастыри за свое безразсудство получить должный урок? Правительству еще не поздно было одуматься, усмиреномудриться, воротиться назад, примириться с народным двуперстием и т.п. обрядами. Но не таковы были тогдашние времена: вмести исправления собственных ошибок, власть разсвирепела против протеста. От Никона и ждать иного было нельзя.

«Когда я ехал в Москву, — пишет в прощальном письме к царю Алексею Паисий Лигарид, митрополит газский, — то заранее восхищался тем, что увижу великаго Никона, но, приехавши в первый раз и увидев его, то почел счастливыми тех, которые, родившись слепыми, не испытали несчастья видеть толикаго зверообразнаго человека». Таков был Никон. Но не могу надивиться на царя Алексея Михайловича, надивиться его тупости, его бездушности и безсердечности. Никон и Алексей обрушились на народный протест истязаниями и смертельными казнями. Застонала русская земля от двух тиранов: «святейшаго» и «тишайшаго». И этот-то порядок, такая-то отношения обоих правительств к народу застаем мы по восшествии на всероссийский престол; на наших глазах преосвященные архипастыри продолжают свирепствовать, а раскол крепнет, несмотря на тирания и ожесточения.

Отцы архипастыри! Куда вы завели, до чего вы допели и куда ведете вы свою отечественную церковь, российский православный народ и нас?

— Великая Государыня, — послышался голос со стороны синода, — истязания нисколько не в наших руках, это не мы, а прежде бывшая правительства.

— Как? — возражает императрица. — А акт 15 мая 1722 г., разве, не ваше дело? А телесныя озлобления и гражданския казнения, разве, не вы освящали соборными определениями, и государи, разве, не по нашим внушениям и не по вашим усиленным настояниям ополчались против своего народа истязаниями и казнями? О, государи и прежние и будущие! Ног нам аттестат за ваше сообщничество с изуверами, палачами и злодеями! Но, гг. сенаторы, вот вопрос: благодать и истина Господня могут ли быть там, быть в той церкви, и которой стоят па месте святителей, палачи и кровопийцы. Может ли быть Христос там, где свирепствуют тол и кия злодейства? Остановимся на минуту. И «зазирания и осуждения» и запрещения, и проклятия, все это было — и немислимо, и безразсудно, и преступно; но все же еще борьба не выходила из пределов церковных. Но когда власти, и церковная и светская, взялись за истязаниями казни, тогда, очевидно, борьба вышла из пределов церковных, тогда власти стали вне церкви. Правда! за властями и собором волей-неволей пошло и большинство народа, вес же прочь от церкви пошли; и это большинство — архипастыри и государи. Но куда мы денем протест, который не трогался с места и по этому одному заслуживает внимание и уважение. Истязаний и казней нет у Христа, не должно быть их и в Его Церкви. Христос на это не уполномочил апостолов и их преемников. Стало быть, за истязаниями и казнями архипастыри обратились не ко Христу, а к царю Алексею, приглашая его охранять впредь, на место Христа, неодолимость российской церкви, а Алексей имел слабость и безразсудство согласиться на это. И куда, куда уйдем мы от вопроса: где же, на которой из этих двух сторон остался Христос? На обеих он, разумеется, быть не может. Очевидно, на стороне протеста; как и зачем остался бы он в государственной церкви, когда и царь, и архипастыри с безчестием вон из нея его выпроводили! Надеюсь, господа, что теперь вы ясно поняли, куда, почему и для чего мы намерены и сами идти, и вас приглашаем.

Но, гг. сенаторы! Догадываюсь о вашем смущении. Вам кажется, что, приглашая вас воротиться к старой Церкви, мы совращаем вас в раскол. Обязана объясниться. Всего, сейчас сказаннаго нами о церкви не следует понимать буквально; церковь, в которой быть не хочу, называю я то представление, какое составили о церкви архипастыри. Мы же желаем той Церкви, какою она быть должна и какою быть ей требует народный протест; прямее и яснее, мы желали бы в нашей господственной церкви

возстановить все то, без чего Церковь не может быть истинно Христовой, не может быть созидательницей государства и хранительницей престола; возстановить то, что у ней когда-то непременно было, то что утрачено ею в несчастные для нея времена по безразсудству архипастырей и по зверонравности Никона, и по легковёрности и безсердечности Алексея Михайловича; но в обязанность вменяем себе ничего не скрывать от вас, гг. сенаторы, следовательно, не скрываю и других государей. Попробую разрешить эту, признаюсь, не малую для вас задачу. Мы в этом вопросе, так сказать, пойдем ощупью. Если бы нам, господа, нужно было возстановить какой-нибудь древний храм, лежащий в развалинах, засыпанный до половины мусором и густо заросший дикими растениями, то прежде всего нам следовало бы расчистить вход в этот храм, а затем, по мере расчистки от наростов, распознавать внутреннее устройство сию храма, назначение и размеры каждой его части и т.д. Мы так и сделали. Здание наше великой церкви (ибо о ней речь) мы освободили от векового мусора и от безобразивших ее пристроек и наростов, в виде обрядовых запретов и клятв соборных, в Алексеевы годы произносимых, и далее в виде определений синода 15 мая 1722 года и целого ряда в этом направлении совершенных фактов и актов. Теперь, когда обозначился пред нами фасад этого здания, заглянем в его внутренность и постараемся по разным признакам догадаться, какова была у нас церковь до перестройщиков ее — Никона и Алексея,— носительница благодати и истины, пароду учительница, государству собирательница, созидательница и объединительница, престолу крепость и слава. Сущность идей этой церкви было: сущная союзность и единность живая, деятельная и твердая. Чем этот сердечный союз был крепок? Правильностью отношений к народу государей и архипастырей, справедливостью, сердечной участностью к его нуждам, уважением к его народности и свободе, к свободе в церковном отношении, всей сполна и без уреза в государственном; по мере возможности, в частности, народ требовал от архипастырей благочестия и святости, от государей внимательного блюдения, чтобы гармония взаимно-свободных отношений в церкви между народом и архипастырями не нарушались.

Но вот настал Никон; признаюсь, личность возбуждающая во мне отвращение. Счастливее бы была, если бы не слыхала о имени его. Он начал реформировать свою церковь, перестраивать ее по своему. Какая же начала вложил он в основу своих перестроек? Безусловное подчинение народа духовенству, духовенства — архипастырям, архипастырей — патриархам. Подчинить себе пытался Никон и государя: он хотел сделаться папой. Порабощение народа ясно сказывается в насильственном отнятии у него обряда его предков, поддержанном клятвами, истязаниями и казнями; порабощение архипастырей — в незаконном единоличном низложении епископа коломенского Павла и глубочайшей тайной прикрытаго умерщвления его; порабощение государей — внедрением в них убеждения, яко бы они обязаны мечем своим служить всевластительскому папе-патриарху, мечем смирать непокорение папе-патриарху народа и епископов. Что же вышло? Народ возстал за древнюю, под видом обряда Никоном окончательно разрушенную, апостольскую церковность, и за древнюю сердечную взаимно единность, основанную на вере, благочестии, любви и свободе. Возстал против соединения в лице патриарха обеих властей и епископа и царя.. Никон внес смуту и разделения в отечественную мирную до него и целостно единую церковь. На одной стороне стали архипастыри со своими реформами и насилием, в своими триперстием и проклятиями, а с другой — народ с обычною всем народам инстинктивною склонностью охранять все унаследованное от предков, а прежде и паче всего свободу. Известный обряд, как и всякий предмет, даже обряд православный, богоугодный и спасительный, но в руках насильных и жестоких властей ставший поводом и орудием порабощения народа, становится ему ненавистным, как знамя и символ его порабощения. Входим в чувства народа, таковым для последнего

должно быть и триперстие, навязанное нам греками при помощи проклятий, истязаний и смертельных казней. Для народа оно стало символом порабощения, для архипастырей — знаком его победы и торжества над народом. Ежели перенесемся на тот момент, когда совершались реформы и заглянем в совесть каждого из тех, кому пришлось отечественное двуперстие менять на указанное триперстие, то в большинстве увидим невежество, которое прямодушно поверило реформаторам, будто двуперстие есть обряд погрешительный, неправославный, небогоугодный и неспасительный, и благодушно последовало за правительством, затем — покорность из страха истязаний; то не похвально, а это уже предосудительно. Теперь разберем, к которому из этих разрядов принадлежит предок каждого из нас, господа. Переменившим двуперстие на триперстие, во всяком случае не думаю, чтобы можно было каждому из нас гордиться его доблестью, и если при этом припомним, какая идея была соединяема со введением триперстия, то пойдем и смысл, и правость, и неодолимость, пойдем родной протест и предупреждения против триперстия и неприязни его к тем, кого зовут «щепотниками». Наконец, Никон внес разлад и разделение между народом и престолом; до него государи были отцами своего народа, самодержавными охранителями православных на любви и свободе, на единности престола с народом в верности веры отцов, в верности обрядов и обычаев предков, основателей отношений государей к их народу. Никон из Алексея царя-отца сделал тирана и истязателя своего народа. И какого народа? Подобно которому по преданности к царю своему нет другого в мире, Что Алексей сделал из своего народа? Народ стал видеть в своих царях антихристов, и мы его не виним: народ подлинно испытал на себе руку последних. И для чего все это? Для чего Алексей изменил своему народу, изменил еще недавнему, еще памятному избранию народом отца его в царя Российской земли, изменил общим обязательствам всех царей? Чтобы угодить другу своему Никону, чтобы покорить под ноги его и иерархов и духовенство и народ, и затем чтобы из него и будущих патриархов создать врагов престолу и самодержавию. Удивляюсь царю Алексею, его не дальновидности: идет за Никоном, как провинившийся мальчишка за готовящимся его высесть учителем! Вот заслуга никоновской реформы пред престолом и самодержавием! Государство не могло и не должно терпеть над собой в пастырях второго великаго государя, и первый, кто об этом догадался, был сын этого Алексея. Петр Великий заменил патриарха синодом. Может быть мы этого не сделали бы, прямо говорю, ибо патриархи могли существовать; но государственная власть им не надлежит. Я бы этого не сделала. Но вот пред нами св. синод. Что же это за институт. Мы слышали сейчас, как он нас, императрицу, ставит в своей церкви на место Христа, в нас, в нашем императорском мече уповая найти обещанную Христом неодолимость.

Поймите, св. синод еще не знает нас, не знает, в чем мы видим крепость и силу нашего царствования; еще не знает, как мы относимся к притязаниям некоторых государей, их императорским мечам. Св. синод еще не знает, как мы относимся к этому громаднаго значения деянию, образцоваго между царями, Алексея и к деланию вливающего в народной организм превратностей бездушнаго и безсердечнаго института. Св. синод еще не знает, как несвойственно нашему уму и сердцу, как мерзит нашей душе убивать в народе дух и жизнь, совесть, смысл и свободу. И вот он, синод, при первой встрече с нами уже спешит предложить нам быть его провидением и сохранять неодолимость. Чью неодолимость? Да старинных «зазираний», осуждений, истязаний и смертельных казней, и все это против двуперстия и тому подобных старотечественных обрядов, словом охранять неодолимость и старых и нынешних нелепостей. Синод возводит нас и снос провидение, в провидение своей церкви! Так вот для каких услуг приглашает нас этот коллегийум. Но кто решится принять такой сюрприз? Чего же ждать церкви от этого лишенаго жизни и мертвящаго института, которому вручена вся власть царя; но об этом не сегодня.

«Вы,— говорит нам св. синод,— разрушаете церковь!» Гг. сенаторы! Мы только часть обозрели здание церкви, только часть уразумели, что такое церковь и что такое требуется от церкви великого народа, чтобы она подлинно была Церковью. Но вы уже догадываетесь, что наша отечественная церковь лежит в развалинах, если в церкви нашей что еще и осталось живого и берегущаго ее жизнь, то это чуть ли не один народный протест. Ясно, что архипастыри сбивают нас с толку, страшая разрушением церкви, самими ими давно разрушенной.

«Вы,— говорит нам святейший синод,— разрушаете престол!» Но, господа, мы уже видели, какая услуга престолу оказало российское архипастырство со времени Никона, какую пропасть изрыло оно между престолом и народом. Все то, что в те времена было в русском народе лучшего, великодушного, живого, энергичного, все стало на сторону протеста. А последовавшие за Никоном государи обременили себя легковесием, а народ заставили видеть в них тиранов и, как сказали мы,— антихристов.

Господа! Для вас ясна правота протеста. Совесть сама говорит вам, что не новая, не синодская церковь, а народный протест остался на месте, что не протестующий народ, а архипастыри, пренебрегшие народным протестом, лишившие последнего своего общения, сами стали раскольниками, и что, наконец, все обвинения возводимый на старообрядчество, все ложь, клевета, внушаемая злобою оскорбленной гордости архипастырей. Но вас, быть может, смущает мысль: если народный протест прав, то как же Христос покинул его, оставив без единого епископа и, следовательно, вне церкви, тогда как сторона смутников и раздорников, оставаясь с иерархией, имеют право носить имя церкви? Каким образом Господь, вопреки обещанию пребывать с верными ему, покинул подлинных носителей церковности и, следовательно, верных ему, истинных стоятелей за самую Церковь, и таким образом, как бы допустил врата ада одолеть? О, Провидение! Благодарю, благодарю, благодарю Тебя! Смущение ваше, гг. сенаторы, надеюсь разъяснить краткими словами. Оставив свой протест без епископа, Господь не покинул его. Во-первых, протесту он предоставил честь сохранить неодолимость своей невесты, российской церкви, нашей святой Матери. Не будь протеста, церковность русской церкви навсегда представила бы миру зрелище совершенных развалин, в которых ее ныне видим. Хотя церковность ее и распалась, хотя и лежит в развалинах, но пока не убит, пока жив народный протест, никто не имеет права сказать, что церковь российская совершенно пала, совершенно перестала жить. Погрешила не она, не российская церковь, которая есть член святой апостольской Церкви, а согрешила одна ее иерархия. Во-вторых, вся иерархия пала, практически верным церковности остался один народ и даже только часть народа. Поняли ли вы, господа, все значение, все достоинство, всю святость великого народного старостояния, громадность его заслуги перед нашей отечественною церковью и Церковью вселенскою? Да, народ простой, необразованный народ дает величайший урок в церковности своему архипастырству: последнее оказывается упрямым и злым; на протест сыплются проклятия, истязания и казни; а он, народ,— подивитесь, господа сенаторы,— стоит твердо, непоколебимо целые века! Зрелище, поражающее своим величием, зрелище, достойное не земли, а неба. Ад и Христос в нашей отечественной русской церкви стоят в открытой борьбе: за первым вся мощь, вся злоба, все козни мира в лице духовных правительств, в лице обманутых царей и архипастырей; за вторым — безмолвное терпение и терпеливое безсловие. Кто в этой борьбе одолеет? Я не была бы искренно верующею дочерью Церкви, я была бы недостойна великого народа русского, носящего имя святой Руси, если бы на минуту усумнилась в победу Христа, в победу народа, в победу протеста, в победу старообрядчества. О, Провидение! Пусть обманутые архипастырями цари с самими архипастырями удесятерят злобу и козни свои, пусть эта борьба, борьба между исконным злом и вечным добром, между адом и небом, продолжится еще на сто, еще на двести лет. Чем тягчая

испытания, чем продолжительнее страдания, тем внушительнее победа, тем памятнее и поучительнее урок, тем блистательнее слова Христа, Церкви и протеста... Но только, гг. сенаторы, мы за себя ручаемся, что не будем орудием ада против любезно-верного нам народа, против голоса великой российской церкви, против Христа.

Поняли вы, наконец, гг. сенаторы, что значит решительность уйти из синодской исповедуемой казенной церкви и искать старую, что все вам показалось приглашением идти за нами в раскол? Это значит присоединиться к протесту, разумеется, присоединиться к протесту против разрушения задуманной союзности между народом, между престолом и архипастырями. Мы возстановим в нашей великой церкви все, что разрушено в ней в варварские, несправедливые насильственные времена, все, что разумеет мы в истинно древней Христовой и апостольской, православной католической церковности. Мы безвозвратно на все времена утверждаем право каждому верноподданному слагать персты для крестнаго знамени, как ему угодно, а каждой православной приходской общине употреблять в ея приходском храме тот из обрядов, который ей любезен. За каждой приходской общиной и епархией мы утверждаем право выбрать по сердцу пастыря, полагать на него обязанность наблюдать за исполнением требований, ответы за каждый его шаг, а в случае упорнаго уклонения от обязанностей, удалять или смещать по своим приговорам. Только таких пастырей мы будем знать, как истинных пастырей и подлинных представителей их общин и епархий.

Тогда-то, гг. сенаторы, нам можно будет управлять народом, Провидением вверенным нам. Народная жизнь в начальных, элементарных ея проявлениях будет расти, цвести и приносить плоды сторицею под святым и животворящим пестунством Самого Христа и Его Церкви, которая тогда будет матерью, и кормилицей и нянькой народа, а пастыри ея — и попечителями, и учителями, и судьями, и отцами. Тогда-то сердечный союз между народом и престолом, союз, указуемый самой натурой вещей, союз между Церковью и государством, Самим Господом заповеданный и благословляемый только в Российской империи, только между русским православным народом и его царями возможно осуществиться на радость небесам, на удивление миру и на страх нашим врагам!

— Великая государыня! — отвечают члены синода. — Сам Бог говорит твоими устами, преклоняемся пред верховностью твоих уроков. Содрагаемся последствий, но уступаем двуперстие твоей непреклонной воле. Твоя непреклонная решимость на крайние меры будет нам оправданием пред нашей совестью и церковью, и потомством. Но, государыня! Забудь, забудь о свободе исповеданий, забудь обо всем, что мы сегодня от тебя выслушали, дозвожь и нам забыть все это.

— Благодарю вас, преосвященные отцы! Со временем поймете, какую услугу церкви, государству и престолу оказали вы вашим согласием. На этот раз принимаю от вас для нашего народа одно двуперстие. Все остальное до времени оставляю на успех ваших совестей. Высоко держите свое знамя, свое дорогое 13 мая 1667 года. Мы желали бы, чтобы подвиги ваши в этом направлении, хотя по временам, делались нам известными; особенно занимает нас определение вашего собора о Иисусовой молитве. Уверяем нас, что каждый раз, как только будем слышать о подвигах ваших, веселость будет облетать до нас от кабинета и гостиной до самых прачечных. Но забыть сказанного нами не дозволяем. Напротив, гг. сенаторы! Прошу каждого из вас сохранить память о сегодняшней нашей конференции, чтобы нам самим напомнить о ней, если бы нам когда-нибудь, паче чаяния, изменила память. Секретарь, пишите:

«На общей конференции сената и синода 15-го сентября 1763 года определено (есть): тех, кои церкви Божией во всем повинуются (есть), в церковь Божию ходят (есть), отца духовнаго имеют (есть) и все обязанности христианския исполняют, а только двуперстным сложением крестится (есть), таинства см не лишать (есть), за раскольников не признавать (есть) и от двойного подушнаго оклада освобождать» (есть).

Владимир Никишов
(г. Мытищи)

ЖАБЫНЬ И СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

От редакции: Владимир Дмитриевич Никишов, профессор Московского государственного университета леса (МГУЛ), академик РАЕН, заместитель главного редактора журнала «Вестник МГУЛ: Лесной вестник», наш автор (см. «ПЗ» № 2, 2009). Совсем недавно вышла в свет его книга: Никишов В. Д. *Жабынь. История Свято-Введенской Макариевской Жабынской пустыни*. — М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2011. — 384 с. Замечательно изданная, с большим числом цветных иллюстраций, книга посвящена 425-летию основания Свято-Введенской Макариевской Жабынской пустыни — одного из наиболее чтимых православными России и других стран мужского монастыря, расположенного на правом возвышенном берегу Оки, недалеко от города Белева — ровесника, кстати говоря, Москвы. Задолго еще до основания монастыря на его месте находилось древнее городище восточнославянского племени вятичей. Неудивителен и интерес Владимира Дмитриевича — уроженца Белева, много размышляющего и пишущего об истории родного города и его окрестных мест. Ниже мы публикуем главу из названной книги.

О том периоде времени, который следовал непосредственно за кончиною преподобного Макария, подробных известий не сохранилось. Из настоятелей, управлявших обителью в XVII веке, история сохранила имя только одного из них — строителя Герасима. По одному из актов XVIII столетия, который обнаружил в монастырском архиве архимандрит Леонид, известно, что отец Герасим подавал челобитную на притеснения и обиды от соседнего помещика Михаила Киреевского и на братьев его «в разорении сей пустыни». Но в чем именно состояло это разорение, и какие были поводы для этого, оставалось неизвестным.

Из архива Белевского Спасо-Преображенского монастыря известно, что к концу XVII столетия, попущением Божиим, возобновленная блаженным Макарием обитель запустела вовсе. Причины, приведшие к запустению монастыря и оставлению монахами намоленной обители, оставались невыясненными. Смутное время ушло в историю, «украина» Московского государства отступила далеко на юг, никакие боевые действия в окрестностях Белева давно не велись, а обитель опустела.

Мы полагаем, что одной из причин запустения Жабынской обители, к концу XVII столетия, стали трагические события в России, связанные с церковными реформами. Они привели к расколу, который на долгие годы разделил не только церковь, но и все российское общество на два непримиримых лагеря: старообрядцев и новообрядцев. Большой Московский собор 1666—1667 годов наложил проклятие на сторонников древлеправославия и признал еретиками и раскольниками отделившихся от Церкви по поводу книжных и обрядовых исправлений. Это вынудило старообрядцев уходить в подполье и скрываться в глухих местах.

Сохранилось немало документов, свидетельствующих о том, что жители Белева и уезда не приняли тогда церковной реформы и долгое время оставались верными приверженцами старой веры. Они стали активными участниками старообрядческого движения, а Белев стал важным центром борьбы за старую веру. Отсюда выходили беглые попы, уставщики и начетчики, расходившиеся по отдаленным краям. В истории остались известны имена священников Иоанна Белевского, Алексея Белевского, Андрея Белевского. Среди них наиболее деятельным защитником древних обрядов стал священник Стефан Иванов, известный еще как Стефан Белевский.

С началом гонений многие из белевцев через прилегающие брянские леса уходили в Стародубье, ныне город в Брянской области. Здесь, в стародубском редколесье, Стефан Белевский вместе с сыном Дмитрием основал слободу Митьковку. Спасаясь от жестоких преследований, отсюда им пришлось уйти на Ветку — пустынный остров на реке Сож вблизи Гомеля. Тогда это были польские владения панов Халецкого и Красильского, охотно принимавших под свое покровительство трудолюбивых и трезвых «москалей». Ветка активно развивалась и стала одним из важнейших духовных центров поповцев-старообрядцев. Здесь в начале 1690-х годов была впервые построена старообрядческая церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, в которой был установлен еще дораскольный иконостас.

Не могли остаться в стороне от происходивших событий и насельники Жабынской пустыни. Из сохранившихся исторических документов можно заключить, что эта обитель была тогда укромным пристанищем не только для ночевков старообрядцев, бежавших из Москвы в Стародубье. Здесь скрывались и подолгу жили видные деятели старообрядчества. Среди них знаменитый вождь и неутомимый защитник старообрядчества Досифей, известный старообрядческий писатель Евфросин, любимый ученик Аввакума Сергей. С историей Жабыни тесно связано имя старицы Мелании, которая была духовной наставницей самой боярыни Морозовой. Недаром из «росписи церковным раскольникам, объявленной по извету приходских священников» Белевского уезда в 1681 году, видно, что уже в семидесятых годах XVII века раскольники завели себе здесь «великое пристанище».

Игумен Николо-Беседного монастыря Досифей прожил в Жабыни десять лет. Об этом стало известно в начале XVIII столетия на допросе арестованного старообрядца. Это был старец Урван, в миру Ульян Анкудинов, пахотный крестьянин Галицкого уезда, вотчины князя Никиты Ивановича Одоевского, села Богородского, деревни Прутков. После смерти отца он бросил жену и сбежал в Белев — «в Жабынскую волость». Здесь жил бельцом около года, а потом постригся от старца Досифея (позднее признанного раскольниками святым), с которым вместе жил в пустыни 10 лет, пока Досифей не съехал на Дон «во дни державы благородных Государыни Цесаревны Софии Алексеевны».

После Досифея Урван ушел из Жабынской пустыни в Волоколамский уезд, где жил один в лесу вблизи Иосифова монастыря. Построил келью, но скоро охотниками князя Шаховского она «была усмотрена», и Урвана выгнали отсюда. Он отправился в Вяземский уезд и как только устроился здесь, его опять постигла подобная же невзгода. После недолгих скитаний Урван, наконец, попал в Приказ церковных дел и был сослан в Иосифо-Волоколамский монастырь. В каком именно году это было, неизвестно, но по делу видно, что через 10 недель Урван бежал из монастыря и снова жил до привода его попом Иваном Неусыпаевым в Волоколамском лесу.

Перед арестом был он в Осташкове, в доме купеческого человека Григория Васильева Зетилова, прежде бывавшего у него в келье с милостынею, и еще в Ржеве. «Открыт» был старец Урван в можайских лесах попом Иваном Васильевым и снова передан в Приказ церковных дел. Отсюда «под крепким караулом» был отправлен в Святейший Правительствующий Синод. Будучи учеником Досифея, называл патри-

арха Никона еретиком, а наставников своих, Досифея и Филарета, почитал за святых. Долго упорствовал в расколе, но наконец решился отречься от него. Святейший Синод распорядился таким образом: «быть ему, старцу Урвану, до указа, лучшаго ради исправления и всегдашняго в несомнительном святей церкви покорении содержания, в Троицком Александро—Невском монастыре, и смотреть над ним, старцем, прилежно, чтобы он показанную присягу содержал».

При старце Урване при обыске были найдены: «дорник»*, оставленный ему Досифеем; «таинство» — также от Досифея, которое положено было в «белильнице» и которым он причащался; в двух мешочках сухари: в одном всеюшней хлеб, в бумажке раздробленная просфора; в другом три сухарика в бумажке, растворенные на благословенной воде; сухарики употреблялись Урваном после причастия.

Известно, что Досифей переселился на Дон в 1685 году, поэтому начало совместного с ним проживания Урвана в Жабынской пустыни относится к 1675 году. Однако с монахами из Жабыни, да и самой обителью он познакомился значительно раньше. Покинув после Московского Собора 1666—1667 годов свой монастырь, где он был настоятелем, Досифей вынужден был скрываться, и вел скитальческую жизнь. Периодически он посещал членов московской старообрядческой общины. Кому тогда не было известно имя знаменитой боярыни Феодосии Прокофьевны Морозовой? Слава о ее боярских хоробах, служивших убежищем всем поборникам раскола, гремела по всей Москве. Сама она была душою московского «стада», особенно женской его половины. В начале 1670 года Досифей приехал в столицу, где сблизился с московскими «старолюбцами» в окружении боярыни. Среди них были и выходцы из Жабыни.

Набожная боярыня Морозова, овдовевшая в тридцать лет, после смерти мужа щедро подавала милостыню на храмы и монастыри, истратив на помощь нищим треть своего огромного состояния. Будучи верховной дворцовой боярыней и близкой родственницей царя Алексея Михайловича, она не испугалась царской немилости и осталась верной древним церковным обрядам. Только благодаря своему родству и связям Феодосия Морозова в течение ряда лет смогла занимать независимое положение. Ее дом постепенно превратился в небольшой монастырь, объединявший людей старой веры. «Пятерица инокинь, изгнанных» во главе со старицей Меланьей составляла тот «собор» домового монастыря боярыни, вниманию которого она предлагала важнейшие вопросы веры и жизни.

В дом Морозовой нередко приходили юродивые и странники. В деле о раскольниках, находившихся в ее доме незадолго до ареста, доносчиком названы «имена раскольникам соборныя церкви, которые приежжаючи живут у боярыни Федосьи Морозовы: Белевскаго уезду Жебынския пустыни старица Меланья (на поле пометка: а прозванием Александра); да тое же пустыни старец Спиридон...». О Мелании Морозова узнала от инока Симонова монастыря Трифилия. Боярыня «уведе о некоей инокине благоговейной, именем Мелании, и призвавши ю и слышав словеса ея, возлюби зело, изволи ю в мать себе избрати. И смирившись Христа ради, отдадесе ей под начал, и до конца отсече свою волю. И сице пребысть до конца опасная послушница, яко и до дне смерти своя ни в чем повеления ея не ослушалася. И от тоя Мелании наставляема уже в конец постиже разумети и сотворити всякое богоугодное дело».

Инокиня Мелания, которая была одной из ярчайших личностей в первом поколении русских старообрядцев, имела значительное влияние на боярыню. Будучи духовной наставницей, она не оставляла свою смиренную послушницу до самой ее трагической гибели в боровской тюрьме. Даже в тяжелейшие годы жестоких испытаний, когда сам царь Алексей Михайлович интересовался розыском Мелании, она всеми

* Дорник — от греч. *dory* — копье. Имеет два значения: копье, которым вынимаются части из просфоры или печать для теснения креста на просфоре

Боярыня Морозова. Художник В. Серов

силами подбадривала свою духовную дочь и с риском для жизни навещала ее в тюрьмах. В период расцвета домового монастыря Мелания наставляла боярыню «сотворити всякое богоугодное дело». Вместе они ходили по тюрьмам, разносили милостыню, ежедневно поклонялись московским святыням.

Хорошо знал Меланию и Аввакум. В одном из писем боярыне он пишет: «А Меланью ту твою веть я знаю, что она доброй человек, да пускай не розвешивает ушей, стадо то Христово крепко пасет, как побраню. Ведь я не сердит на нея, — чаю, знаешь ты меня. Оне мне и малины прислали, радеют, миленькие... Я браню ея, а она благословения просит. Видишь ли, совесть та в ней хороша какова? Полно уже мне ея искушать. Попроси у ней мне благословения: прощается-де пред тобою! Да вели ей ко мне отписать рукою своею что-нибудь».

Из «Повести о боярыне Морозовой», написанной ее современником, известно, что в дом к Морозовой из-под Белева вместе с Меланией пришли еще четыре инокини: «В то время в дому боярыни живяху пятерица инокинь изгнанных». По этому поводу ее двоюродная сестра Анна Михайловна Ртищева сокрушалась: «О, сестрица, голубушка! Съели тебе старицы белевки, проглотили твою душу аки птенца, отлучили тебе матери Мелании».

Не следует удивляться тому, что инокини и старцы могли быть из одной «тое же Жебынския пустыни». Из истории православных монастырей известно, что некоторые из них были сначала общими для старцев и стариц. Они имели свои отдельные мужские и женские половины и управлялись одним духовным лицом. Такой, например, была Оптиная пустынь. По В. И. Далю — слово «опт» или «обт» означает «общий». Она оставалась общей обителью до середины XVI века, когда Стоглавый собор в 1551 году запретил совместное Проживание в монастырях мужчин и женщин. Что касается Жабынской пустыни, то нет никаких сведений, подтверждающих, что она была общим монастырем. Непонятно тогда, почему же автор древнего источника называет старицу Меланию подвижницей «Белевского уезду Жебынския пустыни» и откуда, из какого монастыря вместе с ней были изгнаны «пятерица инокинь», почему вместе с ними в доме Морозовой оказались жабынские старцы?

Известный славист и историк русской культуры, профессор американского Университета Вандербилта С.А.Зеньковский в своей монографии «Русское старообряд-

чество» говорит, что «старицы белевки» были «монашки из старообрядческого монастыря в Белове». К сожалению, автор не сделал здесь ссылки на источник. В то время в Белеве действительно существовал женский Крестовоздвиженский монастырь, настоятельницей в котором с 1661 года была игуменья Вера. О бурных событиях, происходивших в монастыре — «великой распре», мы узнаем из опубликованных в 1909 году документов Сарайской и Крутицкой епархии. Они были найдены протоиереем Н. А. Соловьевым в делах Крутицкого архиерейского казенного приказа.

В 1662 году старицы Крестовоздвиженского монастыря подали Преосвященному Питириму, митрополиту Сарскому и Подонскому, челобитную. Среди них были Анастасия, Маремьяна, Дария, Зинаида, Мелания и другие старицы. В своей челобитной они писали, что игуменья Вера, приехав в монастырь, «живет не по правилу святых отец; забыв страх Божий и твой святительский указ, в монастыре чинит мятеж большой». Суть мятежа была в том, что она, без ведома стариц, жаловалась митрополиту Питириму на игумена соседнего Белевского Спасо-Преображенского монастыря Михаила, на черных священников и на всю братию. «Ево игумена з братией оглашает,— писали они,— а нас, богомолиц твоих, от черных священников отлучает; пишет к тебе, великому святителю, будто те черные попы исповедывают и причащают не по правилу святых отец, за грехи епетемей не довают, и называет ево игумена и з братиею ворами и бражниками и всякое безчиние на Спасской монастырь наносит; а мы, богомолицы твои, того ея письма ничево не ведаем, а она пишет будто со всего собору».

Жаловались старицы и на другие поступки игуменьи Веры. «А которыя, государь, старицы живут в мире, питаютца меж дворов и приходят в монастырь к церкви Божий, и она тех стариц из церкви выбивает, на паперти бьет своими руками. Да она ж игуменья у нас в монастыре вкладными и кормовыми денгами владеет одна, а с нами не поделывается; а что нам дано в монастырь, государь, жалованья пахотной земли, и она ту землю отдает внаймы; а что за тое землю берет найму, и тем всем она ж владеет, а нам, богомолицам твоим, того ничего не дает, и мучит нас безвинно, на чепь сажает, плетьюми бьет и увечит своими руками; принуждает нас сильно в духовность к игумену Никодиму, а у нас, богомолиц твоих, отцы духовные у всех есть, и грозит нам им, игуменом Никодимом* ; а сама в Волхов по ночам ездит и живет многое время, а церковь Божию, поехав, замыкает и ключи с собою возит и церковь Божия стоит без пения. И она, государь, игуменья Вера в твоём святительском богомольи нам не годна в игуменьях, потому что творит не по правилу святых отец, чинит в монастыре соблазн большой и нас, богомолиц твоих, бьет безвинно и розна разгоняет».

Далее старицы просили митрополита назначить игуменьею монастыря старицу Варсонофию, «Ивановскую жену». К челобитной приложили руку:

бывший игумен Спасо-Преображенского монастыря Геласий — вместо своих духовных дочерей, старицы Марфы с сестрами;

черный поп Иосиф — вместо своих духовных дочерей, старицы Софии с сестрами;

черный поп Боголеп Белевской Жабынской пустыни — вместо своих духовных дочерей, старицы **Мелании** с сестрами.

В 1662 году митрополиту Питириму встречную челобитную подала игуменья Вера, в которой жаловалась на своих монахинь. «В Воздвиженском де монастыре

* Никодим был игуменом Волховского Оптиного монастыря, с которым игуменья Вера была хорошо знакома и ездила к нему погостить. Она пыталась запретить монахиням Крестовоздвиженского монастыря исповедаться в Спасо-Преображенском монастыре и Белевской Жабынской пустыни. При этом она настаивала, чтобы они окормлялись у игумена Никодима. В 1662 году, в Великий пост, он приезжал в Спасо-Преображенский монастырь исповедовать братию и между прочим говорил, что, скорее всего, будет настоятелем в Спасском Монастыре, что Спасских старцев вышлет, а переселит сюда старцев из Болхова Оптиного монастыря.

новопостриженные старицы ее игуменью не слушают, живут в монастыре самовластно, ходят в пустыню, что на Жабини, к старцам и ко братьям и в той пустыне ночуют и живут дня по три и по четыре. Да оне ж избрали себе отца духовного не по чину мужа юна, коему еще нет и 20 лет, на Жабини черного попа Боголепа, и за их бесчиния игуменья Вера хотела тех стариц смирить, и те де старицы собралися с своими... хотели ее игуменью убить. Да того де монастыря дьячок Мишка в то время ее игуменью бранил и позорил всячески и перешиб у ней у руки кисть, да он же дьячок Мишка в монастыре бесчинствует, по кельям к старицам ходит и один на один с старицами бывает».

Свое решение проблемы, возникшей в среде монашествующих, митрополит Питирим объявил в благословенной грамоте повоназначенному настоятелю Белевского Спасского монастыря игумену Михаилу. «И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б в Воздвиженском монастыре игуменье и старицам против сей грамоты велел: впредь игуменью Веру всем старицам и сестрам почитать и слушать по монастырскому чину, как и в прочих монастырях ведетца, а самовластвовать не велел, и в Макарьеву пустыню старицам ходить не для каких... не велеть; а будет которой старице... беседа духовная, и им велеть приходить в девичь монастырь и о духовности творить беседу, на монастыре, на паперти пред церковию, а в келью старцем к старицам входить отнюдь не велеть; а отца духовного велеть им избрать в Белеве в... нем монастыре, а попу Боголепу впредь отцем духовным у них стариц быть не велеть; а дьячку Мишку кроме церкви к старицам ходить не велеть; так же и игуменье Вере впредь жить в монастыре смирно, прихотцаго их попа и сына ево от церкви не изгонять и стариц без вины не смирать, а где лучитца, смирать не деянием, но поучением; а вкладные кормовые и наемные деньги велел игуменье делить со всеми сестрами по чину, как ведется в прочих монастырях. А будет впредь старицы игуменью почитать и слушать ее не учнут, и мать Вера впредь станет жить не смирно, и ты б о тоем их несмирении писал к нам; и мы пошлем к ним в монастырь нашего сына боярского и велим игуменье и старицам учинить жестокое смирение. А лично б ты игумен девича монастыря игуменье и старицам сей наш великаго господина указ сказал безо всякаго мотчания... А милость Божия и Пречистые Богородицы и всех святых молитвы и нашего смирения благословение да есть и будет с тобою ныне и во веки аминь».

Приведенные документы доказывают, что старица Мелания была монахиней Белевского Крестовоздвиженского монастыря и духовной дочерью черного попа Боголепа, к которому она вместе с сестрами ходила на исповедь в Жабынскую пустынь. Знала она, конечно, и других жабынских монахов.

Из истории неизвестно — удалось ли митрополиту своим строгим посланием смирить властную игуменью и примирить ее с сестрами монастыря. Но зато хорошо известно, что старица Мелания и ее четыре сестры после этой распри оказались как «инокини изгнанные» в доме знаменитой боярыни Морозовой. Произошло это, скорее всего, в первой половине 60-х годов XVII века. Игуменье Вере, видимо, так и не удалось «смирать не деянием, но поучением» стариц, а угроза митрополита Питирима «игуменье и старицам учинить жестокое смирение» привела к изгнанию из монастыря «но-вопостриженные старицы» во главе с Меланией.

Заслуживает внимания инок Трифилий, рекомендовавший Феодосии Прокопьевне старицу Меланию. В источнике его называют «симоновским иноком, страдальцем Трифилием», который «прежде пострижения в царских дворех все усердный служитель и верный бяше». Он действительно пострадал за раскол и был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь. Прежде всего — непонятно, откуда мог знать московский инок Трифилий старицу из далекого, еще недавно находившегося на окраине государства, монастыря. В той сложной обстановке, которая складывалась в Москве вокруг старолюбцев, только человек, хорошо знавший старицу Меланию, мог рекомен-

довать ее боярыне.

Мы не можем не упомянуть здесь и другого инока со схожим именем Трифиллий — старца из Жабынской пустыни. Учитывая тесные связи морозовского дома с Жабынью, нельзя не предположить, что и жабынский Трифиллий тоже бывал в доме Морозовой и вполне мог рекомендовать ей Ме-ланию, хорошо ему знакомую по Белеву. Незвестный автор «Повести о боярыне Морозовой», знавший московского Трифилия как славного «воина» за раскол, мог ведь и не знать жабынского Трифиллия. Молва же оставила на слуху только имя рекомендателя Мелании, которое автор связал с иноком Симонова монастыря. Подчеркнем — это лишь наша версия событий того времени.

Информацию о Трифиллии и связанных с ним событиях, происходивших в то время в Белеве, находим в работе иеромонаха Герасима (Дьячкова) о Белевском Спасо-Пре-ображенском монастыре.

В 1662 году старец Белевской Жабынской Макариевой пустыни Трифиллий жаловался митрополиту Сарскому и Подонскому Питириму, что в Белевском Спасском монастыре в г. Белеве посадские и уездные попы, «забыв Божий страх и указ великого государя и наше благословение, во святых Божиих церквах поют и говорят голоса в два и в три, а не единогласно^{*}. Да в Белеве ж де многие люди от неразумия о книгах старые и новые печати чинят соблазн и возлагают хулу, и в том де мятежи чинятся святому псалмопению церковному и божественные литургии, от неразумия, раздор и соблазн».

Чем кончилось это дело для Трифиллия — неизвестно. Непонятны также и мотивы, побудившие его жаловаться на соседний монастырь. Мы знаем только, что в том году «волею Божию Спасского монастыря игумен Геласий занемощевал и братии... сказал: «моей де мочи нет в игуменах быть». В борьбе за настоятельское место, вероятно, участвовали уже известный нам настоятель Волховского Оптина монастыря Никодим, сама братия монастыря, желавшая Михаила и игуменья Вера, которая из-за своего вздорного характера никак не могла смириться с назначением нового настоятеля в соседний монастырь.

В 1670 году овдовевший царь Алексей Михайлович выбрал себе в невесты Наталью Кирилловну Нарышкину. Сразу же после этого Морозова, тесно связанная с первой женой царя Марией Ильиничной Милославской, лишилась монаршей милости. Мы никогда не узнаем, что побудило боярыню Морозову в конце этого года тайно принять монашеский постриг. «Желая зело ангельскаго образа», Феодосия Прокофьевна стала упрашивать свою духовную наставницу Меланию помочь ей в этом. После безуспешных уговоров — Мелания опасалась огласки и царского гнева — она, наконец, согласилась: «изволи быть сему». В это время в доме Морозовой жил игумен Досифей и Мелания «молит отца Досифея, яко да сподобит ю аггельскаго одеяния. Он же постриже ю, и наречена бысть Феодора, и даде от Евангелия матери Мелании».

Монашеский постриг помешал инокине Феодоре присутствовать на свадьбе царя 22 января 1671 года. По своей должности она, как старшая боярыня, была обязана быть на свадьбе, где произнося титул царя, должна была называть его «благоверным», целовать ему руку и подходить под благословение архиереев по новому обряду. Пойти на сделку с совестью боярыня уже не могла и, сославшись на болезнь, на царскую свадьбу не явилась. Это решило ее дальнейшую судьбу. Разгневанный глубоким оскорблением царь Алексей Михайлович кричал: «Вем, яко загордилася!»

* Многогласие — это пение и чтение одновременно различных по последовательности частей службы. Богослужение исполнялось не последовательно, в порядке богослужебного чина, а одновременно. В 1652 году царь Алексей Михайлович издал указ о запрещении многогласия, которое стало рассматриваться как преступление. Церковный собор 1666—1667 гг. строжайшим образом осудил многогласие, но оно продолжало существовать в некоторых церквах еще и в начале XVIII в.

Предчувствуя неминуемую опалу, Морозова приказала старице Мелании и ее сестрам скрыться из Москвы. Они поселились в одной из многочисленных усадеб боярыни, где и продолжал свою деятельность подпольный старообрядческий монастырь, руководимый Меланией. Место его пребывания боярыня не выдала, несмотря на жестокие пытки. Скрылся и Досифей, скорее всего — в Жабыни. Его бегство из Москвы вполне понятно, так как тогда начались розыски и о других поках, служивших у Морозовой.

Под стражу боярыню Морозову взяли вместе с сестрой 16 ноября 1671 года. Несмотря на все попытки, исходившие от царя и патриарха, склонить ее к принятию нового церковного обряда не удалось. Решив страдать до конца, она осталась непреклонной. Четыре года продолжалось заточение и пытки именитых узниц в монастырских тюрьмах. «Старицы белевки» находили любую возможность для их посещения, подбадривал своими письмами Аввакум. Едва ли было известно Мелании, что сам царь интересовался тогда ее розыском.

В начале июля 1675 года узниц Боровского монастыря перевели в «пятисаженные ямы» — новоустроенную земляную тюрьму. Под страхом смерти стражникам запретили давать заключенным пищу и питье. Боярыня, умиравшая от голода и жажды, умоляла стражников дать ей «мало сухариков», яблочко, огурчик, но всякий раз слышала отказ. Тогда она попросила исполнить ее последнюю просьбу: похоронить рядом с сестрою. Позвав другого стражника, она отдала ему свою рубашку и попросила постирать ее в реке: «Се бо хочет мя Господь пояти от жизни сея, и неподобно ми есть, еже телу сему в нечисте одежде возлещи в недрах матери своея земли». Стражник пошел к реке, «платно мяяше водою, лице же свое омываше слезами».

В ночь на 2 ноября 1675 года старице Мелании, находившейся в отдаленной пустыни, было видение: явилась к ней во сне инокиня Феодора, одетая в схиму и куколь «зело чуден», сама же была «светла лицом и обрадована». Сон старицы был провидческим: в ту ночь боярыня умерла.

Познакомившись в доме Морозовой с белевскими иноками, Досифей не без их помощи получил возможность длительного, скрытного проживания в Жабынской пустыни. Для него это было удобное и безопасное место. Отсюда недалеко была Москва и практически на равном удалении находились все зарождавшиеся центры старообрядчества. Обращает на себя внимание, что в обширной переписке лидеров старообрядцев Жабынь нигде не упоминается. Сохраняя конспирацию, они, безусловно, берегли от разорения эту обитель. Слишком уж тяжелыми уроками были казни старообрядцев, особенно расправа властей с монахами Соловецкого монастыря, где погибло 500 иноков.

В Белеве в то время, по поручению епархиального начальства, зорко следили за старообрядцами из Белевского Спасо-Преображенского монастыря. Его настоятель архимандрит Иов регулярно отсылал в Патриарший казенный приказ «Роспись раскольщиком и церковным мятежником и непокорщиком, которые объявились по известу приходских священников и отцов духовных градских и уездных». Из «Росписи» 1681 года видно, что раскольники из лесов свободно бродили по селам, имели «приход» в Белеве. У белевского стрельца Семена Третьякова были «поставлены на дворе три избы для раскольников, и бывал к нему их приход беспрестанно, и ведал он, где те раскольники живут».

Из той же «Росписи» узнаем, что в 1677 году «пойман был в Белеве на посаде у посадского человека у Артюшки Кудинова раскольщик Жабынские пустыни чернец Сергей и приведен был в Преображенский монастырь... И тот чернец Сергей в Преображенском монастыре был весь окован в чепо и в железах, и разомкнув чепь, ушел из монастыря в ночи и з железами». Чернец Сергей, постриженный в середине 1675 года игуменом Досифеем, в Жабынь пришел, очевидно, с самим Досифеем из Сунарецкой Троицкой обители. Находясь в Жабынской пустыни, он навещал на посаде

своих знакомых старообрядцев и там был арестован.

Под Белевом, скорее всего в Жабыни, вместе со своим учителем Досифеем жил и его верный ученик инок Евфросин. После ареста Сергия едва ли он мог рисковать оставаться на белевском посаде. Присутствие Евфросина оказало очень большое влияние на положение дел в старообрядческих кругах Белева. Именно ему мы обязаны тем, что в городе и уезде не было отмечено ни одного трагического случая «гари» — самосожжения старообрядцев.

Искусно владевший словом и пером, Евфросин написал знаменитый трактат «Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей», который был направлен против учителей и последователей самоистребления в старообрядчестве. К трактату, который датируется 1691 годом, была сделана важная для истории приписка: «Списано с тетрадей, с Минина приносу, с Руси, с Калуги и с Белева, письма старца Евфросина». Следовательно, в то время, когда был написан трактат, Евфросин жил в пределах калужских и белевских.

Своими взглядами Евфросин был обязан учителю Досифею, который осуждал гари, не благославлял их и отказывался поминать самосжигателей. Вопреки Аввакуму, он не считал гари проявлением религиозного мужества. Евфросин доказывал, что православные христиане, идущие добровольно на гарь, вовсе не святые мученики за веру, а наивные жертвы-самоубийцы, не разбирающиеся в богословских вопросах. Проповедников гарей он считал опасными грешниками, ответственными за гибель своих последователей. Часто Евфросин вступал с ними в опасную полемику. В одном из таких жарких споров, происходившем на Волге в городе Розанове, его оппонент Поликарп Петров бросил ему в лицо: «Не ты ли, губитель, душеяд и душеглот, по целому граду глоаешь? Белев свой поглотил уже и Романов хочешь пожрать? Не проглотить, веем: подавится молитвами страдальца отца Аввакума».

Проблема гарей была в то время более чем актуальна. В 80-е годы XVII века официальная власть резко усилила репрессии против старообрядцев, которые ответили на них самосожжениями. В 1685 году царевна Софья и патриарх Иоаким утвердили «12 статей о борьбе с расколом», которые отличала особая жестокость в преследовании староверов, многие из которых жизнью заплатили за свои убеждения. Сторонников «старой веры» повелевали в одних случаях жечь в срубе, в других — бить кнутом. Раскаявшихся в «расколе» отправляли до конца дней под строгий надзор в монастырь. «Облеченных в укрывательстве у себя раскольников, в доставлении им пищи, питья и т.п., если сознаются, одних, судя по вине, бить кнутом, а других ссылать в дальние города». Имущество виновных забиралось в казну.

Изложенные исторические сведения подтверждают, что в Жабынской пустыни монахи разделяли староверческие убеждения Досифея и его учеников. В ответ на репрессии властей, как и многие последователи «старой веры», они вынуждены были скрываться и помаленьку уходили из обжитого монастыря. Была и другая причина исхода — это «разорение», которое пришло от соседнего помещика М.Киреевского. В этих условиях Жабынская пустынь к концу XVII века полностью обезлюдела.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «КОВЧЕГ» В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

МАРИНА МИХАЛЕВА: «НАС ВСЕХ ОБЪЕДИНЯЕТ ВЕРА»

В декабре 2009 года по предложению и благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла в России создано Общество православных писателей, целью и задачей которого является популяризация морально-этических и духовно-нравственных ценностей в обществе, а также оказание содействия творческой деятельности православных писателей, журналистов, художников, краеведов.

В Совет Общества православных писателей вошли именитые мастера русского литературного слова, такие, как Председатель Союза писателей России Валерий Ганичев, писатели Валентин Распутин, Владимир Куприн, Николай Коняев, Юрий Лошиц, Татьяна Дашкевич и другие.

В 2010 году решением Издательского Отдела Тульской Епархии Общество православных писателей создано и в Туле.

Для чего в России создано еще одно писательское общество, каковы его цели и задачи, кто станет членом Общества православных писателей в Туле? На эти и другие вопросы отвечает преподаватель Тульской Духовной семинарии, заведующая церковно-археологическим кабинетом Тульской Духовной семинарии, сопредседатель клуба православных писателей «Ковчег» Марина Михалева.

— *Марина Александровна, в России уже существует несколько писательских организаций — это Союз писателей России, Союз российских писателей, Международное сообщество писательских союзов. Тем не менее Святейший патриарх Московский и Всея Руси Кирилл создает еще одну писательскую организацию — Общество православных писателей. Как Вы считаете, в связи с чем Патриарх принял такое решение? Для чего происходит объединение православных писателей?*

— Я не дерзну братья объяснять и комментировать решения Святейшего Патриарха, но смею предположить, что объединение православных писателей в Общество связано с желанием решить несколько проблем.

История Православной Церкви свидетельствует: вопреки пословице, один в поле всегда воин, если он воин Христов. А если он воин Христов, то он уже и не один, а с Богом. А с Богом «кого убоюся?», как вопрошал псалмопевец Давид. Следовательно, писатель, живущий по вере, в своем творческом озарении, вне всякого союза и объединения оказывает огромное влияние на человеческое сердце. Но вспомним литературную историю нашего Отечества. При абсолютной самодостаточности писателей, они искали творческого общения с теми, кто исповедовал одну с ними «литературную веру». Десятки журфиксов, обществ, клубов, которыми был прославлен 19 век, литературные объединения Серебряного века подтверждают очевидную мысль: человек всегда ищет близких себе по духу.

А что общего у членов нашего Общества? Безусловно, вера. Все остальное — разное. Разные жанры, разная стилистика, разные характеры, в конце концов... Но объединяет вера. Вместе молимся, вместе ищем ответы на сложные вопросы челове-

ческого бытия. Общая, единая вера не означает нивелировки личностей. Как и все в христианстве, совместный поиск ответов, оказывается, рационально необъясним: идем все на один и тот же немеркнущий свет, веруем в одного и того же Троиственного Бога, идем к Нему вместе, но... каждый своей дорогой. Какие открытия делает каждый на своем, неповторимом пути — вот что становится темой встреч православных писателей. Хочется оговориться: речь идет не о визионерстве, не о бесконечных рассказах, «как явился ангел», которым так любят предаваться духовно не взрослые люди, а именно о том, как вся человеческая жизнь преображается,— преображается так, что и сама речь, вспоминая А. Тарковского, по горло наполняется новым смыслом.

Для чего объединяются православные писатели? Чтобы духовно быть вместе.

Но следует сказать и о другой стороне вопроса. В наши дни, когда литература растянула свои границы до самых безнравственных экспериментов и со словом, и с содержанием, часть писателей пожелала объединить свои силы, чтобы общими стараниями противостоять пошлости и духу купли-продажи. Стоит повториться: и один в поле воин, но когда воинов много и они вместе, можно ожидать более победных результатов. Среди задач Общества православных писателей указана именно эта цель: объединение творческого и профессионального потенциала членов Общества в интересах популяризации православных духовно-нравственных ценностей в обществе.

Не забудем, наконец, и еще об одной важной проблеме. Многие писатели, считая себя православными, смиренно признают, что они не очень хорошо знают Священное Писание, мало знакомы со святоотеческим наследием, редко приходят на богослужения и откровенно редко принимают участие в таинственной жизни Церкви, то есть нечасто исповедуются и причащаются. Общество, по словам Святейшего Патриарха, призвано помочь в воцерковлении тех писателей, которые близки Православию, живут его нравственными ценностями, но саму Церковь воспринимают в большей степени этически и эстетически, не имея пока духовных знаний или внутренней духовной готовности войти в ее жизнь как жизнь особого духовного организма, имеющего единого главу — Господа Иисуса Христа.

Общество православных писателей необходимо, таким образом, еще и для того, чтобы помочь преодолеть некоторую церковную безграмотность, из-за которой духовное богатство Церкви как богочеловеческого организма остается за пределами личного опыта творческого человека.

— *Кто может стать членом Общества православных писателей: человек православного вероисповедания, литератор, пишущий свои произведения на православную тематику или же существуют какие-то другие критерии отбора?*

— Название Общества кого-нибудь может ввести в заблуждение. Может показаться, что его членом может стать писатель, который в каждой строке своего произведения поминает имя Божие и описывает свечи и лампы. Следует признать, что порой начинающие авторы, к сожалению, паразитируют на этих образах. Это объясняется довольно просто. Человек, возможно, только что вошел в неизреченно богатое, безграничное пространство веры. Внешняя сторона церковной жизни чуткое сердце не может не привести в состояние неиспытанной ранее приподнятости и особой духовной радости. Человек начинает описывать свое положение в непривычном пока для него мире, незнакомые для себя ощущения. Но духовная беспомощность, духовная близорукость не позволяют ему увидеть за своими новыми переживаниями Источника этих переживаний. Человек пытается свести совершенную и бесконечную сущность духовного мира к несовершенным и имеющим быстрый конец словам человеческого опыта. Поэтому так безлики и невыразительны бывают произведения новоначальных (в смысле опыта веры) писателей: и внешние образы одни и те же, и внутреннее содержание слишком мелко — именно потому, что оно составлено по горизонтально расположенной схеме «Я и свеча», «Я и икона», «Я и колокольный

звон». Но «самостоянье человека», «залог величия его» вряд ли возможен в приложении человека к предмету. Стояние человека перед Богом — вот в чем осуществляется его жизнь. При этом, как писал И. А. Ильин в «Аксиомах религиозного опыта», человек может есть, спать, напряженно работать, предаваться развлечениям, но свет купины неопалимой не покидает его. Этот свет освещает и очищает душу, дает возможность отличить зло от добра и препятствует совершению поступков, которые совесть только при этом вечном свете допустить не может.

Поэтому я бы ответила на ваш вопрос о членстве в Обществе православных писателей следующим образом. Не тот, кто без конца и, не зная меры, обращается к святым именам и образам, является православным писателем. Отметим в скобках, что третья заповедь гласит: «Не поминай имени Господа твоего всуе», и именно эту заповедь нередко писатели и нарушают, сами того не подозревая. Членом общества может стать человек, осознающий себя литератором, искренне и неложно исповедующий православие, а не туманно рассуждающий о том, что «Бог один, и все религии равны».

Можно провести аналогию с Обществом православных врачей. Они не лечат неизвестными науке лекарствами и не делают операции невиданными инструментами. Профессионально они такие же врачи, как и те, кто исповедует атеизм или конфуцианство. Но они объединились для того, чтобы с молитвой и в общем для них понимании духовных и физических проблем человеческой природы решать свои медицинские вопросы. Мусульманские врачи и писатели, наверное, имеют свои объединения, и было бы странно, если православный человек неожиданно решил бы вступить в их творческие клубы или они, поступаясь своими религиозными убеждениями, вдруг решили, что имеют конституционное право вступить в Общество писателей, ограниченное от других конфессионально.

Следует подчеркнуть, что отбора как такового никто не осуществляет. Но сам настрой писательских встреч таков, что люди, чуждые православию, рано или поздно понимают, что здесь их любят, но их собственные убеждения не дают им возможности почувствовать себя принятыми. То есть в Общество принимает себя человек сам.

— *Как Вы считаете, существует ли отличие писателя православного от писателя светского? И, если да, то в чем это выражается?*

— Православный писатель, равно как и обычный, не обладающий литературными дарами человек, видит мир по-иному. Если человек находится в Божьем свете, то все явления жизни пронизаны для него лучами божественного откровения. Это не значит, что писатель видит мир в розовом свете. Как раз наоборот: яркий свет помогает увидеть грязь и пыль там, где ее не увидишь при слабом освещении. Но одновременно свет дает возможность или найти способы уничтожения этой грязи, или обнаружить пути, пролегающие далеко от нее.

Для православного писателя, как я думаю, всякое явление человеческой жизни значительно, потому что в его разуме живет понимание воли Божией, без которой волос не упадет с головы человека. В нескольких словах я бы так ответила на Ваш вопрос: понимание священности жизни — вот что отличает православного писателя от светского. При этом сюжет произведения может развиваться и в пределах рассказа о собирании крыжовника, и в психологически глубокой обрисовке внутренних исканий философски настроенного человека. Но за любым сюжетом — ощущение вечности, прорыв за облака, видение Божественного луча. Что касается языка православного писателя, то именно по этой причине он не может быть пошлым, скудным, мелким и ничтожным.

— *Кто является координатором деятельности Общества православных писателей, кому оно подотчетно?*

— Все инициативы, возникающие в писательской среде, выносятся на рассмот-

рение Митрополита Тульского и Белевского Алексея, и после его благословения члены Общества занимаются их осуществлением. Что касается координации действий, то, согласно Положению, есть и председатель, и Совет, которые избираются общим собранием.

— *Не получится ли так, что писатель православный в отличие от светского будет ущемлен, скажем так, внутренней церковной цензурой?*

— Если писатель считает себя православным, но при этом с восторгом описывает состояние наркотического опьянения, то ему, безусловно, придется пережить все ущемления церковной цензуры. Если писатель своим произведением подводит человека к мысли, что Христос Иисус — не Сын Божий, ипостась Троицкого Бога, а великий учитель нравственности и только, — то и такой писатель должен ожидать для себя множество вопросов со стороны своих собратьев. В связи с этим еще раз хочется подчеркнуть необходимость получения религиозных знаний, чтобы не впасть в ересь. Блистательный по языку «Иуда из Кариота» Леонида Андреева — очень яркое, эмоционально притягательное, но духовно страшное и разрушительное произведение. Но Леонид Андреев и не называл себя православным писателем. А если современный писатель, плохо знающий вероучение Церкви, находясь в духовном обольщении, начнет сочувствовать Иуде на том основании, что все равно кому-то надо было предать Христа, чтобы Сын Божий умер и выполнил волю Бога-Отца, то такому литератору, разумеется, расскажут о том, что он исповедует одну из древнейших ересей. Вряд ли желание помочь писателю узнать богатство вероучения, в безграничных границах которого он себя мыслит, можно назвать ущемлением. Нет ошибки в словосочетании «безграничные границы». Как только человек ограничит себя, он внутренне себя расширит; отграничит себя от зла, от греха — границы его внутреннего добра расширятся. Православие — это жизнь человека не в тюрьме постоянных лишений, а в свободе: «Познаете истину, и она сделает вас свободными». Это слова Самого Господа Иисуса Христа. Как пишет наш современник, протоиерей Максим Козлов в своей книге «Мир и клир», «если верить в жизнь вечную и считать, что слова Христа и Евангелия — правда, то стоит все потерпеть. И ограничения, и что одного, второго, третьего удовольствия тебе нельзя, и что жить нельзя по принципу «лови момент» и пользоваться этой жизнью, пока молод, и что неверна идея, что каждый сам за себя в этой пустыне жизни, именуемой эгоизмом. Ничего этого нельзя, а можно только то, чего Господь от тебя хочет». Отец Максим говорит здесь об ограничениях повседневной жизни, но его рассуждения применимы и к нашему разговору. Призыв не проповедовать эгоцентризм, культ молодости и силы, денежных отношений между людьми, — разве можно это вообще называть ущемлением цензурой?

Позвольте процитировать еще и святого праведного Иоанна Кронштадтского: «Наш ветхий, самолюбивый человек не терпит препятствий его мыслям, желаниям, словам и делам — и когда встретит их от людей или от обстоятельств вещей, места, времени, бывает в нетерпении: готов сокрушать и уничтожать все, стоящее ему на дороге к цели. Такова гордость и злоба ветхого человека! Что может служить врачевством против этого недуга гордости, злобы, нетерпения? Надо во глубине сердца смириться пред Богом и людьми, сознать свою немощь, свое ничтожество, бессилие и решиться терпеть спокойно всевозможные препятствия, если нет нужды и возможности преодолеть эти препятствия. («О борьбе человека со страстями»).

— *Общество православных писателей видимо будет материально обеспечиваться Русской православной Церковью, которая сегодня и сама нередко нуждается в помощи. Как Вы полагаете, не окажется ли православный писатель обузой для церкви, не откажется ли она в будущем от своего детища, как отказалось государство от Союза писателей России, переведя его из статуса государственного в общественную организацию, прекратив финансировать?*

— Согласно Положению, Издательский отдел Тульской епархии финансирует деятельность Общества по следующим статьям расхода: 1) подготовка и размножение материалов по вопросам деятельности Общества; 2) оплата услуг связи для координации работы; 3) разработка и поддержка Интернет-представительства Общества; 4) предоставление зала для заседаний Общества. Что касается издания сборников произведений наших писателей, это возможно осуществить за счет благотворителей, которые в принципе такую помощь готовы оказать. Материальное обеспечение, нужно признать, не очень большое, но вполне достаточное.

— *В Издательском отделе Тульской Епархии, в рамках создания православной писательской организации, был разработан проект Положения об Обществе православных писателей. Скажите, пожалуйста, а какая еще работа проводится в этом направлении?*

— Мне хочется вернуться к самому первому вопросу: зачем и как объединяются писатели? Еще до того, как в епархии началась разработка Положения, в Тульской Духовной семинарии постоянно проходили встречи с писателями, поэтами, художниками. Постепенно из этих встреч выросло убеждение, что встречаться нужно чаще, обогащая друг друга новыми идеями и творческими открытиями. Накануне Дня православной книги 14 марта 2010 года было решено создать литературное объединение. По благословению митрополита Тульского и Белевского Алексия объединение получило название «Ковчег» в напоминание о том ковчеге, в котором некогда обрело свое спасение человечество, доверившее свою жизнь Богу. Как и тысячи лет назад, мы нуждаемся в надежном корабле, который перенесет нас по волнам нашей беспокойной жизни к желанному берегу вечной радости. Что касается нашего «Ковчега», то его «строительство» началось 26 февраля 2010 года, когда владыка Алексей благословил деятельность нашего объединения.

— *То есть, будет ли правильным утверждение о том, что члены православного клуба «Ковчег» составляют основной костяк Общества православных писателей в Туле?*

— По существующему Положению, в Обществе православных писателей имеется пока два объединения: литературное и краеведческое. Что касается литературного отделения, то оно и представлено объединением «Ковчег».

— *Скажите, пожалуйста, сколько человек насчитывает на сегодняшний день клуб «Ковчег», какой опыт литературной деятельности имеется у его членов и много ли в клубе молодежи?*

— В настоящее время сорок четыре человека написали заявления с просьбой считать их членами Общества православных писателей. Если говорить о возрасте, то значительную часть составляют люди среднего возраста. Есть люди совсем молодые и совсем немолодые, что очень положительно сказывается на внутренней жизни «Ковчега»: происходит творческая встреча поколений, при которой конфликт между «отцами» и «детьми» абсолютно невозможен — ведь люди объединены не общими интересами, а общей верой, которая скрепляет между собой характеры самые разные и интересы самые противоположные. Среди членов клуба много начинающих поэтов, но есть и те, имена которых известны далеко за пределами Тульской области. Достаточно назвать Валерия Ходулина, Валерия Савостьянова, Олега Сенина, Татьяну Леонову... Кстати, приятно и то, что в клубе происходит замечательное общение между писателями, формально принадлежащими и Союзу писателей России, и Союзу российских писателей. Внутри нашего клуба никаких разногласий по поводу их членства нет. В «Ковчеге» все равны.

— *Марина Александровна, что уже достигнуто в работе клуба «Ковчег», с какими трудностями Вам приходится сталкиваться и какова дальнейшая перспектива его деятельности?*

— «Ковчег», собираясь каждый месяц, провел несколько литературно-музыкаль-

ных гостиных. Первая была посвящена Дню православной книги и знакомила писателей друг с другом. Апрельская встреча была посвящена празднованию Христова Воскресения. В мае писатели не могли не отметить своим творчеством 65-летие победы в Великой Отечественной войне и праздник Вознесения Господня. 6 июня — день рождения А. С. Пушкина, поэтому и «Ковчег» сделал свое «Приношение Пушкину». Начало июля само подсказало тему нашей встречи: день святых Петра и Февронии. Звучали очень редкие по теме стихи не просто о возлюбленных, но именно о супругах, о супружеской верности и семье. 9 сентября празднуется память святого Кукши, который в 12 в. пришел из Киево-Печерской лавры для просвещения языческих племен и нашел свою мученическую кончину в наших землях. Опираясь на эту дату церковного календаря, мы и сформулировали тему заседания клуба: что может сделать один человек, когда все против него? В октябре день встречи «Ковчеха» совпал с праздником Покрова Божией Матери, что заставило нас поразмышлять над вопросом: что в нашей жизни является для нас покровом и защитой? 4 ноября — государственный День единства, поэтому основная проблема литературных размышлений была сформулирована так: «С кем я один?» В декабре, вступив в Рождественский пост, члены клуба начали сосредоточенно и с внутренней радостью готовиться к Рождеству Христову, назвав свою встречу пастернаковской строкой: «Все золотые шары». То есть все, что мы хотели бы принести Богомладенцу, всякое слово, которым мы хотели бы украсить древо жизни, было принесено на этот вечер.

Кроме гостиных, в стенах Тульской Духовной семинарии проводятся занятия поэтической школы. Ее руководитель, сопредседатель клуба «Ковчег» Яков Шафран, строит общение таким образом, что теория стихосложения сочетается с практикой. Без всяких стеснений поэты предлагают для дружеского, но строгого профессионального разбора свои произведения, что помогает каждому участнику школы заново взглянуть на свое творчество.

«Ковчег» проводит и выездные выступления, которые состоялись уже в музее В. В. Вересаева, в Центральном парке г. Тулы в День памяти 22 июня, в приходе храма святого благоверного князя Александра Невского. Это выступление было посвящено памяти Сергея Есенина, а устраивался вечер главным образом для людей, страдающих от алкогольной и наркотической зависимости. Впервые врачом их души стала поэзия. Кстати, «Ковчег» готов оказать помощь тем храмам, в которых есть желание развивать литературно-музыкальное направление деятельности прихода.

Состоялось выступление членов «Ковчеха» на областном радио, информация о деятельности клуба размещена на сайтах Тульской епархии, ТДС и на литературных сайтах. Наше объединение уже хорошо известно во всех литературных объединениях и клубах города. Что касается издательской деятельности, то в настоящее время идет подготовка первого литературно-краеведческого альманаха Тульской епархии, где будут представлены труды членов «Ковчеха».

Сбылась наша мечта, и при «Ковчехе» создан «Ковчежец» — детская литературная гостиная, где маленькие писатели пробуют свои силы, узнают историю любимых ими книг, играют в полезные и забавные литературные игры.

Если говорить о трудностях, то и они окрашены в светлые тона: не хватает времени, чтобы на каждом заседании выслушать всех желающих. Всякий раз готовы к чтению своих произведений по 20—30 человек, и не хочется обижать кого-нибудь напоминанием о том, что время заседания истекает. Значит, нужно придумывать что-то новое, разрабатывать необычные формы наших встреч. Творческую деятельность планировать сложно, поэтому полагаемся на то, что Господь откроет нам новые пути, а уж силы мы приложим.

Беседовал Геннадий Николаев

ВАЛЕНТИНА ПИНАЕВСКАЯ

(г. Тула)

Участница музейно-литературного объединения «Муза». Член Совета клуба православных писателей «Ковчег». Образование высшее, по профессии инженер-строитель. Публикации: газеты: «Вельск-инфо», «Вельские вести», «Графоман»; Альманахи: «Вель», «Венеды», «Дом радуги», «От рифмы до строчки»; Сборники: «Тула — наш дом», «Истово верую, что придут времена хорошие»; Журнал: «Работница»; «Листок Тульской духовной семинарии».

БОГ С ТОБОЙ

*Среди друзей я зрил Иуду,
но не его отверг, а месть...*

И. Северянин

Боль от предательства — острее боли нет
Средь бела дня вдруг меркнет солнца свет,
Затормозили ход настенные часы,
Добра и зла качаются весы.
Клокочет в горле приглушенный стон,
Под грузом гнева разум погребен,
Кровоточащей раной съежилась душа
И мысль о мести понеслась, спеша
конем, взбешенным без уздечки, без дорог,
Едва у бездны ты остановится смог.
Гремит над пропастью надменный, грозный смех,
На шее камнем виснет осужденья грех.
Толкает в спину кто-то, больше нету сил,
И ты взываешь: «Господи, спаси!»
...Пропало наважденье, бьют часы отбой
И счастлив ты, что Бог всегда с тобой.

ВАЛЕРИЙ САВОСТЬЯНОВ

(г. Тула)

Родился в селе Сергиевское Болоховского (ныне Киреевского) района Тульской области 2 сентября 1949 года. Закончил с медалью 51-ю среднюю школу и потом Тульский политехнический институт. Стихи пишет с детства.

Участник Всесоюзных совещаний молодых писателей в Москве в 1979 и 1984 г.г., а также в Кутаиси в 1985 г. И Совещания, организованного в 2003 г. Союзом писателей России. Неизменный участник, а ныне руководитель семинаров поэзии Областных совещаний. Председатель жюри ежегодного открытого городского конкурса молодых поэтов «Ступени». Стихи его опубликованы во многих центральных и тульских журналах и альманахах, в большинстве тульских газет, а также в газетах

«Российский писатель» и «Литературная газета», во многих коллективных сборниках Тулы, Москвы, Санкт-Петербурга, в антологиях «Русская поэзия: XXI век» и «Наши современники», в «Хрестоматии по литературе для 5—7 классов» и в хрестоматии «Три века тульской поэзии». Стихи передавались по Всесоюзному и Тульскому радио и телевидению.

Сегодня Валерий Савостьянов автор 8 книг. Он член: Союза писателей России, Международного литфонда, Бюро тульского отделения СП России, Совета клуба православных писателей «Ковчег», редсовета сборника писателей «Иван-озеро», редколлегии газеты «Тульский литератор». Один из составителей юбилейных сборников «Великий Май» и «Ветер времени над полем Куликовым», антологии тульской поэзии «Наши современники».

Лауреат литературной премии имени Ярослава Смелякова. Был представлен Администрацией области на премию Центрального ФО. Лауреат городского конкурса на лучшее стихотворение о Туле. Неоднократно награжден Почетными грамотами и дипломами. За патриотическую направленность творчества награжден юбилейными памятным медалями «100 лет со дня рождения М. А. Шолохова», «100 лет со дня рождения Мусы Джалиля».

НИЩИЕ

Камни и буераки.
Дождь моросит с утра.
Нищие и собаки
Вместе вокруг костра.
Их обойду, пожалуй,
Посох держа в руке.
Булькает что-то в ржавом
Стареньком котелке.
Я им пока не нужен,
Я им — что нет, что есть.
Ждут, что послал на ужин
Отче Небесный днесь.
Дай ты им хлеба, Отче,
Теплый подвал, где спят,
Дай им в осенней роще
Ягоды и опят!
Дай городским помойкам,
Свалкам — не оскудеть,
Чтоб на прохожих волком
Бешеным не глядеть!
С голода ли, с испуга —
Подло, исподтишка
Дай не зарезать друга:
Шарика и Пушка...
Нищим, бомжам и ворам,
Пьющим из русских луж,
Гибнущим под забором,
Но не сгубившим душ —
Крови не проливающим
Финкой и кистенем,
Отче, воздай как павшим
Воинам под огнем!

ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН

(г. Тула)

Родился в 1937 году. Крещен во Всехсвятском соборе г. Тулы.

С 15 лет на оружейном заводе: столяр, гравер по украшению охотничьего оружия. Воинскую службу проходил в Ленинграде, на Краснознаменном крейсере «Аврора» с 1956 по 1958 гг. Тогда же появились первые публикации. Первая книга стихов «Гравюра» вышла в 1965 году, когда автор был студентом 5-го курса Литературного института им А. М. Горького, который окончил, получив диплом «с отличием».

Много лет работал старшим редактором Приокского книжного издательства, председателем Тульского областного отделения Всероссийского общества охраны

памятников истории и культуры. С 1972 года член Союза писателей СССР. С 1995 года носит почетное звание «Заслуженный работник культуры России», с 2005 года — почетный гражданин города-героя Тулы. Лауреат литературных премий им. Тульского комсомола, им. Л. Н. Толстого и других, лауреат Всероссийского отраслевого фестиваля авторской песни Член Совета клуба православных писателей «Ковчег».

Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург).

В 1995 — 2000 годах трижды выезжал в «горячие точки» Чечни и Дагестана для встреч с российскими воинами. Имеет благодарность Верховного Главнокомандующего ВС РФ В.В. Путина «За самоотверженность и отвагу, проявленные при защите Отечества», награжден медалью «За службу на Северном Кавказе», другими медалями.

Член Союза десантников России, Всероссийской ветеранской организации «Боевое братство».

КОЛЮПАНОВО

Как будто родился я заново,
Как будто бы снова возник,
Когда я пришел в Колюпаново,
Где плещет священный родник.
Побудешь хотя бы мгновение
В холодной воде родника,
И краткий обряд омовения
Продлит твою жизнь на века.
Одною судьбою повенчаны
Мы все в этом месте святом,
В часовенке этой бревенчатой
Под луковкой с ясным крестом.
Какими б мы ни были пестрыми,
Наверное, здесь неспроста
Становимся братьями, сестрами —
Единой семьей Христа.
Какими б мы ни были грубыми —
Другими глазами глядим
На лес, восходящий уступами,
На сосен сиреневый дым,

На церкви вдали благозвонные...
 Идешь — удивляешься сам,
 Как эти ступени бетонные
 Возносят тебя к небесам.
 Мы все в этом мире паломники.
 Удел наш — приходи уход —
 Студенты, шахтеры, полковники
 И прочих сословий народ.
 Пусть в нашей мирской скоротечности
 За взрывом торопится взрыв,
 Мы здесь приобщаемся к вечности,
 На время тревоги забыв.
 Сверкающим нимбом увенчана
 И светом небес залита,
 Пред нами является женщина,
 Открывшая эти места.
 И в самую душу, как водится,
 Вливается смысл ее слов:
 — Водички испей из колодеза
 И будешь вовеки здоров.
 Спасибо тебе, небо синее,
 Спасибо, божественный миг,
 Спасибо тебе, Евфросиния,
 За этот волшебный родник.

ВИКТОРИЯ ТКАЧ

(г. Тула)

Окончила Тульский государственный педагогический университет (факультет иностранных языков). Поэтесса, автор нескольких поэтических сборников. Творческая биография размещена в серии книг «Тульский биографический словарь. Новые имена» и антологии тульской поэзии «Наши Современники». В 1998 г. была принята в Союз российских писателей. Лауреат литературной премии «Золотое перо Тулы» (2009 г.) Дипломант ежегодного литературного конкурса «Созвучие» (Москва, 2010 г.)

Автор стихотворных и прозаических публикации на страницах газет и коллективных сборников Тулы и Тульской области.

Старший научный сотрудник Дома-музея В. В. Вересаева. Организатор встреч читателей с современными тульскими авторами. В области музейной педагогики разработала ряд инновационных программ для учащихся средних классов и старшеклассников, которые внедрены в работу музея и успешно реализуются.

Руководитель областного музейно-литературного объединения «Муза» и член клуба православных писателей «Ковчег».

* * *

От простого, прозрачно-простого
 До вплетенного в суть микросхем
 Я ищу Потаенное Слово,

Чтоб в незримый войти Вифлеем.
В этом городе все — не случайно.
В этом мире — основа основ.
Отражается зыбкая тайна
В просветлевшем прозренье волхвов.
И свечой, возгоревшей из пепла,
Не дает мне покоя вопрос:
Что же надо Ему еще сделать,
Чтобы в нас возродился Христос?..

ВЛАДИМИР ИОНОВ

(г. Тула)

Член Совета клуба православных писателей «Ковчег».

* * *

Мир устал, утомился от тряски
Поездов, и авралов, и войн...
Мы живем в ожиданье развязки
В одной связке у кассы на бронь.
Я молю отступившего Бога:
— Нас прости, защити от греха:
Растрясает любовь по дорогам,
А у щедрых слабеет рука.
Слышит Бог меня или не слышит —
Не пойму. Но в дорожном плену —
Понимаю: пока еще дышишь,
Выбирать самому.

* * *

Пусть и вы согласитесь со мною:
Я б желал, как любой человек,
Чтоб страну затопило любовью,
А не паводком глохнущих рек.

ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА

(г. Тула)

Родилась и выросла в Горном Алтае. Окончила факультет журналистики Казанского госуниверситета. Журналист, член Союза журналистов РФ, финалист IV Всероссийского кинофестиваля короткометражных фильмов «Семья России» (проза) — 2007 г. Победитель Всероссийского конкурса «Растим патриотов России» (региональный этап) посвященного 65-й годовщине Победы в номинации «Энтузиасты. Подвижники. Хранители традиций» (2009 г.). Работала в печатных СМИ, на радио, много лет — «Университетской газете» в ТулГУ. Награждена нагрудным знаком «За заслуги перед университетом». Печатается в местных и центральных СМИ; в журналах «Сибирские огни», «Приок-

ские зори», «Тульские епархиальные ведомости». Автор и соавтор, в том числе об ученых ТулГУ, о Великой Отечественной войне, о репрессиях 1937 года.

Патриотическая, военная тематика, тема малой Родины занимают особое место в ее творчестве. Подготовлена к печати документальная книга о студентах-добровольцах, ушедших на фронт, в первые дни войны 1941 года, имея «бронь».

Член Совета клуба православных писателей «Ковчег». Активный участник (рассказы, повести, эссе) литературно-творческого проекта «Новые имена России. Тульский регион». Работает над авторской книгой.

ПОСЛЕДНИЙ ПОДАРОК ОСЕНИ ИЛИ ЯБЛОКО ДЛЯ МАМЫ

Из цикла «Рассказы для внуков и всех детей» под названием «Аллея, где живут чудеса...»

Стоял последний день осени — 30 ноября. Был последний день недели — воскресенье. Всю ночь шел дождь, а утром показалось яркое солнышко. Было тепло и тихо, как весной. Лена с Аней тотчас собрались на прогулку, потому что солнышко скоро могло скрыться. От горизонта уже поднимались тяжелые, серые тучи, грозя снова затянуть небо и все вокруг сделать серым, пасмурным и тоскливым. Хотя девочки гуляли в любую погоду и не боялись дождей, но при солнышке гулять было куда лучше. К тому же они собирались вместе с бабушкой пойти в дальнюю аллею и найти несколько еловых веточек к Новому году. Ждали, что скоро выпадет снег и тогда туда без лыж никак не доберешься. Ели росли в дальней аллее. Надо было идти через весь широкий луг, потом еще по длинной аллее и тогда придешь к елочкам. Они стояли, как одна семья — побольше и поменьше, будто мама с папой и детками. Чуть подальше, по березовой аллее, зеленела еще одна такая же еловая семья. Девочкам, конечно же, было жаль срывать веточки с елей. Они их стали искать внизу, под елями. И скоро нашли целых пять штук. Теперь их можно было отнести домой, поставить в вазу и вынести в прохладное место, в сени. Так они лучше сохраняются до Нового года. А перед самым Новым Годом и приходом Деда Мороза со Снегурочкой в их деревенский дом сестренки внесут букет из еловых веток в зал. Поставят посередине стола и украсят серебристым дождем из фольги, маленькими, яркими, стеклянными шариками и даже гирлянду повесят. По вечерам она будет гореть и перемигиваться разноцветными огнями. Рядом с украшенными ветками встанут Дед Мороз и Снегурочка в голубой бархатной, икрящейся серебром шубке и высокой золотой короне.

Девочки с бабушкой уже собирались возвращаться домой, но почему-то решили заглянуть в яблоневый сад. Он со всех сторон окружал аллею и тянулся ровными рядами яблонь куда-то далеко, до другой аллеи. Весной сады были все в белом-розовом цветении, испускающем чудесный аромат. В конце лета и в сентябре Лена с Аней, папой и мамой приходили сюда за яблоками. Но в ноябре яблоки уже не растут. Весь сад облетел, ветви яблонь почернели от дождей и еще не успели просохнуть. Однако идти по их длинным, бесконечным рядам и вспоминать, какие тут росли огромные и душистые, красные и зеленые яблоки, было приятно.

О чудо! Каково же было удивление и бабушки, и ее внуков, когда они увидели, что земля под одной из яблонь была сплошь усеяна зелеными яблоками, зарывшимися наполовину в гнилые, коричневые листья. Бабушка подняла одно яблоко, другое, третье — все свежие, твердые, незамерзшие и не гнилые. Так девочки вместе с бабушкой набрали большой пакет чудесных яблок. Анечка нашла одно, очень маленькое, величиной с грецкий орех, яблочко с засохшим маленьким листиком на его ножке и сказала:

— Я отнесу его братику. Он еще не умеет ходить ножками и брать ручками, но когда подрастет, будет играть яблочком.

Тут Лена подняла вверх голову, чтобы разглядеть самолет, звук которого доносился до земли. Самолет летел так высоко, что казался маленькой, голубоватой птичкой. За ним оставался и расплывался по синему небу белый след.

— Вон, Анечка, гляди, самолет летит, — указала она в небо.

Аня тоже задрала вверх личико. И вдруг они вместе увидели большое, красное в розовую полоску яблоко, висевшее на яблоне.

— Яблоко! Яблоко! — радостно закричали девочки, протягивая к нему руки.

— Такие красненькие яблоки как раз наша мама любит. Мы всегда с ней в саду их находили, — сказала Лена, — давайте его сорвем для мамы. — А как мы его достанем? — спросила она, обращаясь к бабушке.

Бабушка попыталась потрясти яблоню, но ствол ее был толстый и ничего не получилось.

— Надо найти какую-нибудь палку и сбить его, — предложила она и стала искать палку.

— Бабушка, бабушка! — радостно закричала Анечка, — я нашла, вот и подала бабушке тонкую засохшую былинку.

— Молодец, Анечка, что нашла, но это всего лишь сухая травинка и ей не сбить яблочко. Она сломается, да и не достанет до него. Надо найти что-то подлиннее и потолще.

Тут же Аня побежала к сухим, высоким зарослям травы иван-чая и принесла травинку потолще и подлиннее. Но и она не годилась для сбивания яблока. Лена еле сорвала крепкую былинку конского щавеля и сама пыталась дотянуться до яблока и сбить его. Но, стукнувшись о толстые яблоневые ветви, былинка сломалась пополам. С нее посыпались на девочку темно-коричневые, крупные, круглые семена. Бабушка начала отламывать сук у соседней яблони. К ней тут же подбежала Лена и озабоченно сказала:

— Бабушка, нельзя ломать веточки у яблоньки, ведь ей же больно. И на этой веточке выросли бы яблочки, а теперь не вырастут.

— Верно, Леночка, живое дерево нельзя губить: обдирать с него кору или обламывать ветки. Но, посмотри, эта ветка мертвая, уже давно надломленная и засохшая. Она уже больше не вернется к жизни, — ответила бабушка, показывая девочкам сухой ствол сломленной ею ветки.

Наконец бабушка сбила яблоко. И оно, большое, полосатое в темных крапинках, немного сплющенное сверху и снизу, упало в рыжую, засохшую траву. Лена быстро проползла под низко нависшими ветками яблони и подобрала его. Она была очень рада, что принесет маме ее любимое яблочко. Ведь мама сидела дома с новорожденным братиком и совсем не выходила на улицу. Ей очень хотелось пройтись по аллеям, но она не могла этого сделать. И только сегодня утром мама говорила, что не любит и не ест привозные яблоки, а хочется ей яблочка вот из этого сада. И теперь она получит это яблочко и очень обрадуется.

Девочки весело бежали назад к дому, бережно неся в руках по очереди красно-полосатое яблоко для мамы. А в кармашке комбинезона у Ани было еще и крохотное яблочко для маленького братика. Так уходящая осень щедро поделилась напоследок своими дарами и преподнесла свой последний подарок двум славным сестричкам, их маме и братику.

Назавтра вступала в свои права уже зима. Завтра будет первый день зимы. И скоро — Новый Год...

— Это Боженька зимой нам яблочки подарил, потому что мы слушались маму и хорошо себя вели. — А самое большое и красненькое он послал для мамы, потому что она родила братика, правда, бабушка? — вдруг сказала Лена.

— Правда, — внученька...

ВЯЧЕСЛАВ АЛТУНИН

(г. Тула)

Алтунин Вячеслав Васильевич — журналист, поэт,— родился в 1951 году в с. Песковатое Белевского района Тульской области в семье сельских интеллигентов. Окончил историко-филологический факультет Казанского госуниверситета. Стихи пишет с 14 лет. Печатался в районных и областных газетах, в альманахах, в коллективных сборниках «Перекресток», «Оттепель», выходивших в разное время в Приокском книжном издательстве. Автор поэтических сборников «Единственная жизнь» (2002), «Корни» (2005), вышедших в Тамбове.

Активный участник литературно-художественных проектов продюсерского арт-центра «Странник», реализующихся в ЗАО «Гриф и К».

Дипломант конкурса Центрального федерального округа «Потенциал России» (2006). Лауреат премии «Бежин луг» имени И. С. Тургенева, учрежденного Союзом писателей России (2007).

Работал в районных и областных газетах. В настоящее время экономический обозреватель областной газеты «Тульские Известия».

Член клуба православных писателей «Ковчег».

ПРЕДКИ

Наши предки искали пустыни и скорби.
Мы ж — утех и уюта больших городов.
Наши предки трудились в полях, спины горбя...
Мы же любим созвучья, струения слов.
Наши прадеды жили сурово и просто:
Хлеб да соль да вода да молитва в тиши.
От сохи и косы, от избы до погоста,
От креста и земли — до спасенья души.
Так и прожили век свой в труде лошадином
На песчаных полях, над родимой Окой...
А когда их несли на погост тот старинный,
Пели ангелы им: «Со святыми — покой»...

ГАЛИНА ВИНОКУРОВА

(г. Тула)

По образованию филолог, педагог. Член литературного объединения «Пегас» и член клуба православных писателей «Ковчег».

Публиковалась в межрегиональном журнале «Приокские зори», в хрестоматии «Три века Тульской поэзии», во всех пяти сборниках «На крыльях «Пегаса», а также в коллективных сборниках: «Ветер времени над полем Куликовым», «Здравствуй, Тула», «Свет любви», «Отчий край», «Тула — наш дом», в газетах Тулы. Автор поэтических книг: «Родник души», «Боль», «Звуки сердца», «Я растворюсь в стихах» и романа в стихах «Сергей Беседин».

ПАСХАЛЬНЫЙ ЗВОН

Пасхальный звон
Плывет над мирным градом...
Блестят на солнце
Маковки церквей...
Над Тулой и над бывшим Ленинградом
Пасхальный звон по праху всех царей.
Нам нет пути
Без совести и чести.
Нам нет пути
Без святости души.
Поставим мы шлагбаум злобной мести.
Высокой горести дадим покой в тиши.
Высокой горести еще не все причины
Известны стали и понятны нам,
Но тысячи огней и огонек лучины
Слились в одно моление по церквям.
Пасхальный звон над родиной великой,
Чтоб ветер смерти сердце не студил,
Чтоб родина не стала степью дикой,
Чтобы народ в труде и мире жил.

ЕВГЕНИЙ ЗАЛЕССКИЙ

(г. Тула)

Родился в 1939 г. в г. Щекино. Окончил ТулПИ, работал, в основном, в Конструкторском Бюро приборостроения, пенсионер.

С 1986 г. состоял в ЛО «Пегас» и литклубе «Голос». Печатался в заводских многотиражках и в газетах «Коммунар», «Тула вечерняя», «Тула». Были публикации в журналах «Приокские зори» и «Наша жизнь» (для слепых). В 2007 году вышла книга стихотворений «Право слово» и через два года сборник «Всего-то дождь».

Сочиняет и исполняет свои авторские песни, неоднократно становился призером тульских бардовских фестивалей «Люди идут по свету» и «Хомяковские Поляны».

Член Совета клуба православных писателей «Ковчег».

ТОПОР

Ладил дед Егор забор,
Вышло честь по чести.
Только, вот, забыл топор

На рабочем месте.
Спохватился посеред
Беспросветной ночи.
Бабка думала — помрет,
Огорчился очень.
— Ах, несчастье, ах, позор,
Шепчет бедный тихо —
Целый день лежит топор
На глазах у лиха!
Каждый, если не дурак,
Жаден до презента.
Ну, а плотнику-то как
Быть без инструмента?
И в деньгах велик разор.
Боже правый, сжался!
Сделай так, чтоб мой топор
Моим и остался.
Вот, суворовским броском
В предрасветну пору
Мчится старый босиком
К новому забору.
Осмотрелся второпях —
Умыкнули, нету!
Но, заметил вдруг в кустах
Чистую газету.
Дед нагнулся и молчит,
Веря и не веря:
Под газеткой сладко спит
Милая потеря.
Боль ушла, как сон, как дым,
Только знать охота:
Бог ли сжалился над ним,
Или добрый Кто-то?
Ах, лукавый маловер,
Грешник долголетний,
Дать тебе второй пример —
Ты запросишь третий.
Не пытай Творца хитро,
И не требуй много.
Если делаешь добро,
Ты под сенью Бога.
Помни первый уговор,
Он других дороже.
А забудешь про топор —
Кто тебе поможет?

ИГОРЬ БОРОНИН

(г. Тула)

Встречая на пути талантливого человека, искренне радуюсь, еще один голос РАЗУМА в необычном, безграничном движении и жизни!..

Уроженец Сахалина, он в детстве в 1964 году переехал в г. Богородицк. Окончил политехнический институт в Туле, служил офицером в армии до 2002 г. Сейчас на пенсии, работает мастером по газовому оборудованию. Имеет множество публикаций, выступлений на телевидении и радио — легенда авторской песни, член Тульского литобъединения «Пегас», отмечен дипломом Бард Академии г. Москва.

Много сделано и много еще предстоит сделать. А на сегодня большая публикация в семи выпусках междуна-

родного альманаха «Чувства без границ», в котором рядом с поэтами разных стран весомо звучит поэзия Игоря Боронина, публикации в различных Тульских изданиях. Новый музыкальный альбом «Жизнь многоэтажная» в исполнении песен и стихов самого автора.

Игорь Боронин — член клуба православных писателей «Ковчег».

Я БЛАГОДАРЕН НЕБУ

Что-то, когда-то слышал,
Что-то, когда-то читал,
Дар появился свыше...
Странно... поэтом стал.
Мысли в висках стучатся,
Мощной вибрацией тем,
Сами в стихи ложатся,
Рвутся наружу... Зачем?
Жжет какофония строчек,
Рифмы, как воздух ловлю,
Из междометий и точек
Что-то спасением жду.
Странно! Готов я не был,
Стать обрученным с Музой,
Но благодарен Небу
За неземную обузу!

СЕРГЕЙ НИКУЛОВ

(п. Скуратово, г. Тула)

Родился в 1958 году в селе Морозовы Борки Сапожковского района Рязанской области. Там же окончил десятилетку и ПТУ. С 1979 года, после службы в армии проживает в г. Туле.

Трудовую деятельность начал с 13 лет помощником комбайнера. До 1989 года работал мастером производственного обучения в ПТУ № 29. Последние 20 лет работал токарем-расточником на Скуратовском экспериментальном заводе.

Пишет стихи давно, но более серьезно с 2005 года. Печатных публикаций не имеет.

Член клуба православных писателей «Ковчег».

ПИСЬМО НА РОДИНУ

Чувство это знакомо не мне одному,
Ностальгический зов многим ведом.
Поскорей бы весна — тогда отпуск возьму,
Хоть на пару деньков, а приеду.
Как жених на свидание шаг тороплю —
Здесь не город с дыханьем отравным.
В чистом поле я жажду свою утолю,
Знаю, цел родничок на Проявном.
В нем так сладок воды ледящий глоток,
Он заморским напиткам уступит едва ли.
Не случайно невзрачный лесной ручеек
Наши предки Нектаром назвали.
Вновь увижу разлет голубых куполов
И кресты восстановленной церкви.
Где найти столько добрых и ласковых слов,
Чтоб сказать их о милой деревне.
Может быть, повстречаю и школьных друзей
И кого-то из них я, увы, не узнаю.
Мы с годами не стали моложе, стройней.
Я по юным, по прежним скучаю.
Дорог сердцу певучий, родной говорок —
Бесконечную вел бы беседу...
Пригласите меня на «последний звонок»,
Брошу все! Непременно приеду!
Да, в родимом краю я лишь гость, квартирант.
Увела прочь от дома дорога...
Вы простите меня, что таил свой талант,
Он не мой, он дарован от Бога.
Больно видеть — пустеет деревня моя.
Далеко от нее, но я с вами.
Чем помочь, чтобы ей не пропасть, устоять?
Может быть, помогу ей стихами.

ТАТЬЯНА АБИНЯКИНА (ЛЕОНОВА)

(г. Щекино)

Родилась в 1948 году в г. Ставрополе. Педагог, специалист в области информатики. Работала учителем, начальником отдела информатизации в НИИ и администрации г. Щекино, корреспондентом в ряде газет. Стихи пишет с детства. Автор десяти сборников и участница многих литературных альманахов.

На ее стихи написаны песни и романсы, которые стали лауреатами конкурсов. Соавтор альбома «Душа моя», куда вошли романсы и песни на стихи ее и Геннадия Мира.

В настоящее время живет в городе Щекино, Тульской области. Много путешествует по святым местам России. Автор сборника православных стихов «Пред иконочкой свечка» и аудио-видео альбома «Страница», стихи и песни о святых местах России. Руководитель творческого молодежного объединения «Орфей» в г. Щекино.

Член Союза журналистов России. Член Союза Российских писателей. Член Совета клуба православных писателей «Ковчег». Имеет свои сайты в Интернете: «Поэзия Татьяны Леоновой»: <http://leo.genmir.ru> и <http://abitat.narod.ru>. E-mail: 9abi@schekino.tula.net.

МОЛЬБА О РОССИИ

Господи, петь научи о России,
О православной России святой,
Той, что небесно-лазурные сини
На купола пролила красотой,
Той, что светильники-Храмы восставила
И приготовилась трепетно ждать
Духа Святого, что прежде оставила,
Божью милость и благодать.
Господи, дай мне любовью проникнуться,
Тою, что память о Небе хранит.
Дай мне с Твоею лишь волею свыкнуться,
Дай мне терпенья, как скалам гранит.
Господи, дай моей ласковой Родине,
Где родники — как от Неба ключи,
Дай распрощаться со всеми невзгодами,
Сердце, подставив под Божьи лучи.
Господи, дай мне пропеть о России,
Милой России дубрав и берез,
Той, что проявится в Славе и Силе
В нас покаяньем исторгнутых слез.

ЯКОВ ШАФРАН

(г. Тула)

Родился в п. Брагин в Гомельской области Белоруссии. В 14 лет с родителями переехал на родину матери в Тулу. В 1973 г. окончил Тульский политехнический институт и в 1997 г. высший психологический колледж при Институте психологии РАН в Москве. Последователь и активный пропагандист ЗОЖ. Активно занимается физкультурой. Стихи пишет с юных лет. Издано два сборника стихов и прозы — «Любимая, прости» (2008 г.) и «Спасение рядом» (2009 г.). Участник поэтических сборников в Москве: «Поют любовь вам ангелы-поэты» и «Планиета Душа» и в Туле печатается в журнале «Приокские зори» и в альманахах «День тульской поэзии» и «На крыльях Пегаса». Участник проекта «Я

горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов», стихи опубликованы в книге «Мы помним...». Сопредседатель Совета клуба православных писателей «Ковчег», член литобъединения «Пегас» при Тульском отделении Союза писателей России. Имеет свои странички на литературных сайтах: <http://www.stihi.ru/avtor/byans>, <http://stihi.ru/avtor/byans3>, <http://www.proza.ru/avtor/byans>, <http://www.chitalnya.ru/users/byans/>.

ВОТ ТАК БЫ НАША ВЕРА

Как дерево растет все время к небу,
Как речка неуклонно катит волны,
Как солнце ежедневно к нам с востока,
А слабенький росток асфальт просверлит,
Вот так бы наша вера постоянной
Была бы, несмотря на все соблазны.
Чтоб мы стремились к небу неустанно,
Тянулись к океану вечной жизни,
Как солнце обязательными стали,
Трудиться, как росточек, не устали!

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

Две женщины стояли у иконы,
Две в темном и с платком на голове.
Одна клала обильные поклоны,
Другая лишь крестилась в стороне.
Одна икону лобызала часто,
Другая лишь смотрела на нее.
Одна молилась быстро и бесстрастно,
Другая, сердце отворив свое.
Две женщины стояли у иконы...
И Божий Лик с нее глядел на них.
Печально на одну и непреклонно,
А для другой смиренен был и тих.

ГЕННАДИЙ МИР

(г. Щекино)

Поэт, прозаик, ученый, автор более 30 книг, в том числе 7 поэтических, академик МАИСУ. Его поэма «Начало» в 1978 году в поэтическом конкурсе Центрального телевидения СССР и заняла первое место. Песни, написанные им и другими композиторами на его стихи стали лауреатами музыкальных фестивалей и конкурсов. Свои произведения публикует в Интернете в своем Портале: <http://genmir.ru>.

ДУША ЕЩЕ ЖИВЕТ

Дрожанием свечи душа еще живет
И небом голубым надежда светит многим.
Мы верим — для Любви настал уже черед
И выйдем мы опять на Божии дороги.

Расцветием зари глядит на нас Любовь
И звоном тишины рождается мгновенье.
Мы знаем — в мир чудес отправится любой,
Коль примет для себя Любви святое пенье.

Дрожанием свечи душа еще живет
И огонек ее в ночи надеждой греет.
Легко от дел мирских душа ушла в полет
И радостью Небес над миром тихо реет.

Волшебные слова повиснут кисеей,
В них мудрость и ответ проявятся едва ли.
Замрет в экстазе вдруг дыхание мое
От красоты Любви, что люди вечно ждали.

Дрожанием свечи душа еще живет
И небом голубым надежда светит многим.
Мы верим — для Любви настал уже черед
И выйдем мы опять на Божии дороги.

